

Юз
Алешковский

Собрание
сочинений
в шести томах

Т. 1

Юз Алешковский

Собрание сочинений

в шести томах. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17803508

ISBN 9785447460136

Аннотация

Произведения Юза Алешковского, представленные в этом томе, – признанная классика, золотой фонд русской литературы: «Николай Николаевич», «Кенгуру», «Маскировка», «Рука». Они написаны ещё в прошлом веке, но не утратили своей актуальности. Цитаты из них можно использовать как к происходящим вокруг событиям, так и к тем, которые в России ещё будут происходить...

Содержание

Предисловие к «Собранию сочинений Юза Алешковского в 6 томах»	5
Великий выходец из положения	8
Автобиографическая справка	26
Опыты на герое	33
Николай Николаевич	40
1	40
2	47
3	57
4	60
5	67
6	74
7	81
8	96
9	104
10	115
11	118
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Собрание сочинений
в шести томах
Том 1
Юз Алешковский

© Юз Алешковский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие к «Собранию сочинений Юза Алешковского в 6 томах»

От составителей.

Мы работали над этим собранием сочинений более полу-года. По времени это срок достаточно большой, но и – крайне маленький, короткий. Большой – чтобы просмотреть интернет-версии произведений Юза Алешковского, выбрать те, в которых меньше ошибок, опечаток. Чтобы привести в порядок расплывающиеся при конвертации строки. Большой – для работы, по сути, косметической. И с этой работой мы справились. Хотя кое-где и не исключены какие-то мелкие «блошки».

И – срок малый, чтобы сделать настоящее, академическое собрание сочинений. Со статьями, сносками, комментариями, фотоснимками, набросками и вариантами произведений. Это уже работа ученых, литературоведов – профессионалов, которая, конечно, будет когда-нибудь проделана.

Мы же – любители. У нас любительский опыт издания цифровых книг. Поэтому вооружённому глазу они, конечно, будут заметны. Но ещё мы и большие любители творчества Юза Алешковского. И ко всем произведениям, которые вы

найдете в этих томах, мы отнеслись с максимальной бережностью.

В Интернете, среди своих друзей, знакомых, мы нашли редкие, никогда не публиковавшиеся раньше, песни Алешковского. Легендарный «Николай Николаевич» в этом собрании сочинений – в новой, улучшенной редакции.

Есть и произведения, их, конечно не много, которые публиковались в различных периодических изданиях, но не вошли в широко известные «бумажные» собрания сочинений. В шестом томе размещено несколько редких снимков.

Настоящий шеститомник – это избранные произведения писателя Юза Алешковского.

Подбор абсолютно субъективный, и составлен исключительно на основе наших личных пристрастий:

т.1 «Николай Николаевич», «Кенгуру», «Маскировка», «Рука»

т.2 «Синенький скромный платочек», «Книга последних слов», «Смерть в Москве»

т.3 «Блошиное танго», «Признания несчастного сексота», «Семейная история», «Песни»

т.4 «Карусель», «Тройка, семёрка, туз...», «Маршал сломанной собаки»

т.5 «Моргунов – гримёр из морга», «Американский концепт», «Свет в конце ствола», «Посвящается Ги де Мопассану», «Жепепенака»

т.6 «Предпоследняя жизнь. Записки везунчика», «Ма-

ленький тюремный роман», «Шляпа», «Как мимолётное гла-
зенье», «Эхо кошачьего «Мяу»», «Строки гусяного пера,
найденного на чужбине», «Чтения по случаю 80-летия Юза
Алешковского «Юз!»»

Александр Дунаенко

май, 2014г.

Великий выходец из положения

Юз Алешковский – замечательный русский поэт, прозаик, романист, эссеист, философ, автор гениальных афоризмов. Список можно продолжать, но он все равно не сможет в достаточной степени отразить значение его вклада в русскую культуру.

Божий Дар – штука вневременная. Чего никак нельзя сказать о способе его реализации. Конечно, в первую очередь, на пути воплощения дара стоит личность, характер того, кому этот дар достался. Способности всегда только помогают. Дар, напротив, может и погубить, принять, так сказать, «поперечное положение». Надо суметь родить свой дар, надо найти в себе смелость вступить в нашу действительность с этой драгоценной обузой на руках. В комплекте с даром для его реализации необходимо иметь большое мужество и даже некоторую дозу авантюризма. А уж исторический момент поможет определить истинные возможности и даже жанровые особенности его существования. Исторический момент – всегда соавтор. Когда он особенно крут, роль его непомерно возрастает.

В массовом сознании бытует представление, будто бы существуют два основных типа литературных судеб. Одни идут чередой, друг за другом по некой главной дороге, имитирующей якобы хронологический принцип познания. В советское

время это, разумеется, означало, что, начиная с анонимного автора «Слова о полку Игореве», писатели готовили Великую Октябрьскую социалистическую революцию, постепенно открывая для себя и для публики все новые и новые основания для ее свершения. Получилось такое многотомное уголовное дело на человечество, которое, с одной стороны, безобразно погрязло, а с другой, почему-то все-таки достойно светлого будущего. При вскрытии язв российской действительности образовалось немало перлов. На самом деле, естественно, каждый великий и даже просто настоящий писатель – явление уникальное, неповторимое и абсолютно неожиданное, чтобы не сказать авангардное. Именно такие писатели и выстраиваются вдоль воображаемой столбовой дороги Духовного и Исторического процесса, так сказать, задним числом. Тем не менее всегда попадались, а после революции их поголовье резко возросло на обильно удобренной почве, – такие авторы, которые не умели найти себе легального места в создавшейся обстановке, те, кто не в состоянии оказались принимать советскую действительность за нормальный фон для нормальной жизни.

А если же все-таки не вовремя полученный Божий Дар не давал покоя стремящимся к писательству отщепенцам, они пытались найти и находили некий выход из положения. Одним из образцов «выходца из положения» в начале советского периода был Михаил Зощенко. Своим литературным приемом он сумел обозначить одновременно и невоз-

возможность, и наличие изящной словесности в условиях красноречивого уродства.

В значительной степени культура советского периода представляла собой некое подобие рубцовой ткани, то есть той, которая вырастает на месте травмы; она способна поддерживать и сохранять форму некогда здоровой ткани, но не может выполнять ее специфическую функцию. Из всех так называемых деятелей отечественной культуры лишь единицы были настоящими. И мало кто из них мог открыться публично и раскрыться в полную силу. Большая часть истинных талантов сгинула. Кому относительно повезло – за границу с самого начала, а другие – в лагеря или каким-то иным ускоренным способом – на тот свет. Для жизни оставалась только так называемая внутренняя эмиграция, случайное укрытие от вездесущих органов, безвестность, подполье, безумие и тому подобный ассортимент способов проживания с неродившимся талантом, как с нераскрывшимся парашютом. Тогда огромный дар мог уместиться в Мухе-Цокотухе, в каком-нибудь фильме-сказке для детей и т. д.

Юз принадлежит к тем, кто не был согласен всерьез принять эту действительность за свою подлинную и единственную жизнь, которую надлежит покорно проживать в предложенных ею рамках. Несогласен не в том смысле, чтобы лезть на баррикады или выходить на Красную площадь, а в том, чтобы постоянно ощущать и формулировать отклонение этой действительности от Нормы. Попытка разделить

с другими хитрецами благодатную почву детской литературы, хоть и удалась ему с профессиональной точки зрения, но не удалась с точки зрения экзистенциальной.

Дар Юза бескорыстен по своей сути. Он начал писать прозу без всякой мысли о возможности быть напечатанным, он сочинял в полном смысле слова – «на троих». Первый свой шедевр, «Николая Николаевича», он написал, чтобы порадовать трех самых близких своих собеседников, им же его и посвятил. Но и потом, став уже обожаемым и известным автором, никогда не занимался просчитыванием предполагаемого спроса; в его совершенных по форме сочинениях всегда есть четкий замысел, но никогда нет умысла.

Молодой человек, который в Американском посольстве в Москве выдавал мне визу, спросил меня, что написал приглашающий меня на свой юбилей Юз Алешковский. Он сам оказался бывшим студентом-славистом, изучавшим наш самиздат.

И он о Юзе ничего не знал и не слышал. Тогда я произнесла: «Товарищ Сталин, вы большой ученый...» Он радостно закивал головой и выдал мне визу. Сначала я невольно удивилась, а потом до меня дошло. Да, Юз ведь и не был героем самиздата. Никому не в обиду будь сказано, но никакой самиздат не выдержал бы такого рода бесстрашия, не только абсолютного политического, но одновременно и метафизического, и языкового. Если не в изложении исторических фактов и не в исторической же их оценке, то в философском

экзистенциальном осмыслении феномена «Соньки», в спектрометрическом анализе этой адской смеси – он пошел, пожалуй, дальше прочих. Я ничуть не намерена умалить значение подвижнической деятельности диссидентов, не пожалевших ни жизни, ни личной свободы в борьбе с Гидрой, а также литераторов и публицистов, участвовавших в ее выведении на чистую воду. Общими усилиями система расшатана и в некоторой степени рухнула, придавив множество своего незадачливого народа обломками. Я сейчас говорю только о литературе того периода. И тут я позволю себе заявить, что романы «Рука», «Кенгуру», минироман «Николай Николаевич», повесть «Маскировка» – самые смелые и самые свободные от советского духа антисоветские произведения, потому что власть не только виртуозно и полностью разоблачена, но и голая – осмеяна, что для объекта бывает, видимо, особенно обидно. Юз указал Соньке ее место – у парашаи, исходя из онтологических и эстетических соображений. Ибо нельзя рассуждать о Юзе, о значении его творчества и не назвать по имени или даже по имени-отчеству главную героиню большей части его сочинений. Даже если о ней, как о божестве дикарей, не произносится ни слова прямо, она, советская власть, или Софья Власьевна, стоит за всем происходящим. Возмутительница спокойствия, щедро снабжающая материалом, достаточным для зашкаливания всех органов чувств, для постоянного эмоционального накала, для почти что панического желания выразить свои непосильные

впечатления. Пожалуй, это характеристика Музы.

Только тут у окошечка Отдела выдачи виз я наконец по-настоящему осознала, что он держал в руках, отваливая из СССР. Кроме «памятника литературы», ставшего гениальным дебютом Юза в прозе, – «Николая Николаевича», таких блестящих сатирических и пророческих сочинений, как роман «Кенгуру» и повесть «Маскировка», к этому времени Юз уже написал свой главный труд – роман «Рука». Это практически пословица: с «Рукой» в руках – век свободы не видать. «Руку» до сих в каком-то смысле страшно читать.

Кстати, в трагических и по-советски комических обстоятельствах отъезда, в Шереметьеве тех лет, Юз все никак не мог от нас, окаменевших этим тяжелым ранним утром провожающих, уйти окончательно. Он раз пять возвращался к нам из какого-то ходульного, наспех сооруженного с помощью перегородки и лесенки, мира иного – то с очередной отвергнутой таможенниками бутылкой водки, то с чем-то еще недозволенным для пересечения границы. Последний раз, уже изрядно преуспев в уничтожении контрабандного товара, он крикнул в толпу провожающих: «Увидимся через десять лет!» Тогда в 79-м году это прозвучало как черный юмор. А ровно через десять лет Юз впервые посетил бывшую родину. Действительно, нет пророка в своем отечестве. Как только человек обнаруживает у себя пророческий дар, он немедленно сваливает из отечества, так, видимо, из целомудрия и для профилактики.

Каждый творческий человек всю жизнь решает для себя проблему: «быть или стать». Кому не хочется «стать», получить признание, оказаться автором нашумевшего и лауреатом престижного? Но в глубине души больше всего любой автор жаждет не потерять способность ощущать и выражать, то есть – продолжать «быть». В этой связи отъезд Юза из СССР, на мой взгляд, следует рассматривать как свал в частную жизнь, в бытие как таковое. Ей-богу, как ни грустна разлука, но представить себе Юза, пусть даже ему удалось бы чудом, наступив себе на горло, зажав нос и спрятав кукиш в кармане (получается поза, которая непосильна ни для какого йога, но с некоторыми оговорками искусно исполненная рядом российских литераторов), допустим, быть сперва вознесенным мутной волной перестройки, этак побыстрому, как в подъезде, получить признание во всенародной любви, а затем – ляжка капиталистических многотрудных будней, если повезет, то на телевидении или на худой конец на радио – в борьбе за безбедное существование, дачу и евроремонт, – не лучше ли действительно «удалиться под сень струй» и, пребывая в прозрачной тени Уеслеанского университета, оставаться самим собой? И как бы ни шагнуло наше российское общество, в какую фазу или во что менее благозвучное оно бы ни вступило, То, что Юз сумел в свое время, опережая и проясняя сознание нашей духовной элиты, сформулировать, а в эмигрантских уже сочинениях – развить под несколько новым углом зрения, никто,

кроме него, так и не сподобился сказать о феномене меняющего свои очертания, но не суть, советского строя, который, подобно останкам мамонта, так хорошо сохраняется в нашей вечной мерзлоте...

Известность пришла к Юзу, начиная с его гениальных песен, резко отличавшихся от всех близких по жанру творений прочих бардов и менестрелей – такой точностью словоупотребления, какая свойственна лишь настоящей поэзии. Хотя, если честно, слава, если и пришла, то пришла вовсе не к нему. Песни приписывали кому угодно. В том числе и народу, что хотя бы не обидно. В чем секрет такой анонимности или, как говорят теперь, нераскрученности автора? В отсутствии инфраструктуры в подполье? В несерьезном отношении к себе самого автора? Конечно, Юз не ощущал себя ни поэтом-песенником, ни бардом или менестрелем. Он легко создал всего несколько абсолютных шедевров, однако не стал разрабатывать этот шельф. Да и слава тогда была равносильна доносу. А камерный успех лучше, чем успех в камере.

В дописьменный период своего творчества, кроме негромкой славы автора песен, Юз был знаменит в узком кругу как мастер афоризма, способный гениально передать метафизическую связь явлений Бытия – здесь и сейчас. Один из них, увы, до сих пор не утратил своей актуальности и не похоже, что когда-нибудь утратит. Цитирую на языке оригинала: «В России власть взяли те силы, которые спизди-

ли шинель у Акакия Акакиевича».

Еще не начав по существу писать, Юз стал для нас, его круга и паствы, – явлением культуры в самом главном смысле этого слова. Он с самого начала был великим Просветителем умов и Освободителем сознания. Свежий взгляд на вещи – это не только следствие незамутненности разума постижением наук и лженаук, это составная часть дара. В то тусклое и довольно позорное время вокруг Юза царила вдохновенная атмосфера свободы, живого ума, смеха, легкости рождения гениальных фраз. Причем все находившиеся рядом чувствовали себя не зрителями или слушателями, а участниками. Юз – великий учитель. Он умел дирижировать умами, и когда они начинали выводить порученную им партию, то охотно принимали легкость ее исполнения за свою заслугу. К Юзу ходили не выпить и пожрать, как могло бы показаться на первый взгляд, хотя и тут его щедрость значительно превышала реальные доходы, к нему ходили побыть свободными и умными, короче говоря, пожить в Бытии, побыть в подлинном смысле этого слова... А потом можно и дела свои нехитрые или даже достаточно хитрые – поделывать.

Юз щедро транжирил свой дар, делился им, так сказать, вручную. Когда удавалось уговорить его спеть, а ведь все безумно этого хотели, а он уже не столько тащился от всенародной любви, сколько слегка обижался за недостаточно серьезное отношение к одному ему известному и то лишь ин-

туитивно – огромному творческому потенциалу. Юз соглашался и пел ко всеобщему счастью, сопровождая себя постукиванием пальцами по столу. Но ему действительно уже было пора, уже обожаемый им Александр Сергеевич грозил ему в окно: пора, мой друг, пора!

Такому мастеру афоризма должно быть очень трудно начать создавать ткань повествования, не впадая в соблазн объяснять поподробнее искрометное озарение и расшифровывать то, что достижением было – зашифровать.

В поисках «выхода из положения» и способа реализации своего дара Юз попробовал множество жанров: мини-романы, романы, повести, рассказы, эссе, последние слова подсудимых, древнекитайскую поэзию – и все их обогатил. Он не писал лишь драмы, и то, наверно, потому, что не имеет склонности драматизировать трагичность бытия. Юз не только нашел выход для себя, он указал выход всем нам – как справиться с нелегкой участью – жить в то время в том месте. По Юзу, этим выходом является в первую очередь сохранение облика нормального человека. Его главное оружие – смех и обличенье инфернальной Соньки на всех уровнях вплоть до молекулярного.

Основным литературным приемом, которым пользуется Алешковский, является сказ (у Юза это монолог, предполагающий наличие живого собеседника-слушателя). Традиционный для русской литературы жанр Юз развил весьма нетрадиционными средствами. Главное действующее лицо

его произведений – русский язык, живой, неподцензурный и нецензурный. Продолжая музыкальную тему, так точно использованную Бродским при анализе творчества Алешковского, можно утверждать, что он обладает абсолютным слухом по отношению к божественной НОРМЕ человеческого бытия. Это его идеал, за который он стоит насмерть и отклонение от которого он чувствует, как фальшивую ноту.

Подобно герою «Блошиного танго», Юз безошибочно обонял все компоненты той чудовищной Каши, которая воцарилась в головах и душах советских людей после разрушения всех основ национальной жизни, человеческой морали, после падения, крушения Нормы. Эту кашу, которая ночевала на том месте, где раньше были мировоззрение и нравственные принципы, Юз сумел воссоздать в языке своих героев. Он обессмертил эту Кашу (кстати, само понятие Каши введено самим автором и многократно используется его героями, есть даже рассуждение о том, что у нас в головах должна быть именно Наша Каша, а не какие-нибудь другие кушанья – например, сациви или лобио).

Как и его трепетный герой Сергей Иванович, который научился делать сувениры для продажи в электричках, представляющие собой живое насекомое, запаянное в стекло от бутылки и символично смахивающее на Ленина в мавзолее, главного нашего трупа в хрустальном гробике, который, не стоит об этом забывать, до сих пор там, – так и Юз сумел заключить то подобие жизни, которым нам довелось жить, –

в прозрачные контуры своих произведений, язык которых и есть наш единственный «вечно живой» и сохраняет, если и не аромат, не дай Бог его еще раз занюхать, но – дух эпохи. Язык Юзовых сочинений обладает невероятной емкостью. В одной фразе ему удивительным образом удается заключить всю полноту, трагичность, комичность и мудрость жизни. Откройте на любой странице любой из томов теперь уже легального собрания сочинений – и после заносов словесного поноса, порожденного нынешней свободой слова, – блеснет гений, не только пророческого понимания действительности, но и самого мудрого к ней отношения. Чувство юмора – единственный путь к независимости, приятный морально и физически, особенно, если он оказался бескровным.

Одной из немаловажных художественных особенностей сочинений Алешковского является обильное использование ненормативной лексики, то есть мата, то есть языка, на котором говорит и даже думает наш многострадальный народ. Мат, как и юмор, играет роль противоядия и обладает способностью создавать некую зону отчуждения, она же – единственная доступная в таких условиях опора.

Герой «Руки» говорит: «Матюкаюсь же я потому, что мат, русский мат, спасителен для меня лично в той зловонной камере, в которую попал наш могучий, свободный, великий и прочая, и прочая язык...» Кроме того, увы, конечно же, надо было так, как мы, провонять советской идеологией и фразеологией, чтобы суметь по достоинству оцени-

вать текст Юзовых сочинений.

Сделав ставку на живой и фантастический язык как на главный инструмент своего творчества, Юз все же преследовал и более глубокие цели, преследовал и, надо сказать, достиг. Он выпестовал свой Дар как неизменное, надежное и чудодейственное средство от зомбирования любого сорта и происхождения, будь то господствующая идеология, догмы узкого круга либералов или интеллектуалов, от любого коллективного или рабского индивидуального способа спастись перед Силами Зла.

Юз не первый русский писатель, который в ранней молодости, соприкоснувшись вплотную с проблемой «преступления и наказания», сумел не сломаться, а напротив, глубже понять смысл и цену существования. «Рука» – это Юзово «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» и «Бесы». Это попытка религиозно-философского осмысления российской истории XX века. Это роман – хор. В нем монолог чекиста-следователя виртуозно превращается в хор, где звучит все услышанное им от великого множества солистов-подследственных, прошедших через его руки. Рука, сын раскулаченных и убитых у него на глазах крестьян, ныне палач-мститель из НКВД арестовывает, а по существу берет в заложники, бывшего красного дьяволенка, участвовавшего в том кровавом рейде. Он жаждет наконец отомстить не только тем, кто убил его родителей, но и тому, кто посадил его тогда на морозе на ледяную колоду и лишил та-

ким образом навсегда способности к деторождению. Обращаю ваше внимание на то, что отмороженные яйца фигурируют в тексте вовсе не для скабрёзности. Повторяю, Юз – настоящий романист, у него в тексте нет ничего случайного, смыслом наполнена каждая мельчайшая деталь повествования. Кто может посвятить всю свою жизнь идее мщения даже за такие чудовищные преступления, кто в состоянии не утратить на протяжении всей жизни острой жажды мщения и не смягчиться? Только тот, у кого нет и быть не может в настоящем – Любви! Так что, в данном случае, отмороженные яйца – это символ телесной неспособности к Любви.

Роман написан на невероятной энергии, он наговорен с той лихорадочностью, которую мы прежде встречали разве что у Федора Михайловича. Достоевский был тогда, по крайней мере, любимым писателем Юза, и именно ему, я думаю, он многое рассказывает в этом романе, свидетельствует, показывает ему, как предсказания из главы о Великом Инквизиторе воплотились и кое-где даже переплюнули все пророчества, разгулявшись с размахом нового типа...

Проблема Преступления и Наказания в романе «Рука» расширена. Она поставлена как Проблема Диалектики Зла, сложной взаимосвязи Преступления и Вины, Наказания и Отмщения. Для страны, пораженной таким размахом преступлений, таким попранием морали и норм, присущих не только людям, но и диким зверям, – первым шагом к освобождению духа могло послужить никак не обвинение в адрес

политбюро за искажение так называемых «ленинских норм», а лишь осознание каждым себя как носителя Коллективной Вины. Эта мысль выражена в предсмертном монологе-молитве старого зека: «Мы, братья, виноваты, мы, и не говорите „не мы“! Мы!!! Трижды мы!!!» Позднее, уже в эмиграции, возвращаясь к этой же теме, Юз пишет: «В советской власти виноваты все. Даже уборщица в сортире и кассирша в универсаме».

Идея всеобщей вины ставит под сомнение идею мести. Рука не испытывает никакого смягчения чувств в отношении своего врага, который находится в его полной власти, но высказав и еще раз прочувствовав все, что он пережил и впитал от общения с невинными жертвами режима за всю свою чудовищную жизнь, он теряет энергию мести. Вслед за недалеким Николаем Николаевичем, хитромудрым международным уткой и протрезвевшим героем Маскировки, палач Рука даже своим адским путем приходит почти неожиданно для самого себя – в норму. К нему приходит раскаяние, и его покидает жажда мести.

«Рука» – первое несмешное сочинение Юза. Но, конечно, только по жанру, Юз не может не смеяться, обыгрывая навязшую на зубах каждого советского человека фразеологию («Пора принимать высшие меры», «Оттепель – трудная погода для наших органов», или, как Сталин говорит накануне крупной ночной посадки: «Завтра... в доме правительства... будет полно... свободных, то есть, осознанно необходимых

нам квартир»).

А история про «мистера Против-64» могла бы составить отдельное сатирически-пророческое произведение, блестящий сценарий судьбы «перестройки сверху». После мучительных колебаний Хрущев соглашается с требованием братских партий, чтобы в угоду демократии, но не два, как они хотели, а один, тщательно подобранный «коммунист с хорошей русской фамилией типа Каренин или Епишев» («На алкоголизм проверить, на слабость передка, на мат, на семейное и международное положение»), – так и быть, проголосовал бы против линии партии. Однако Федор Боронков так удручает Никиту своей антисоветской подкованностью, что тот передумывает и произносит совершенно уже раннеперестроечную фразу: «Нет, Федор, белогвардейская, кулацкая, жидовская, модернистская морда. Голосовать ты не пойдешь. Ты воздержишься. Мы так и сообщим в закрытом порядке товарищам: воздержался. Нельзя сразу быть против. Либерализация – процесс бесконечно долгий, как и путь к абсолютной истине».

Переместившись в пространстве, да к тому же еще и во времени, Юз узнал о свободе и норме что-то еще, но остался верен своей стезе: поиску очагов нормы и подлинной свободы в бытии своих бывших соотечественников. Литературный младший брат Николая Николаевича, Сергей Иванович из «Блошиного танго» – существо намного более тонкое. Он знаменит не суперустойчивыми живчика-

ми, а уникальным обонянием. Он носом чует зловоние пороков. Когда в задушевнейшей беседе генерал КГБ намекает ему, что после успешной переделки всего мира «незахороненное захороним, а кое-что из вынужденно погребенного воскресим», Сергей Иванович говорит себе: «Ни за что не пожелал бы я самому себе присутствовать при воскрешении генералами каких-то ихних невразумительных святынь в ими же обгаженной-перегаженной пустыне Будущего...» Вот вам и определение нашей нынешней реставрации «духоуных ценностей».

Пройдя большой творческий путь, Юз вернулся постепенно к сестре таланта – краткости. Его древнекитайские стихи только на первый взгляд могут показаться пародиями или подражаниями. Они совершенно настоящие. В них подлинная поэзия соединяется с абсолютной мудростью, юмором и светлой печалью. В этих стихах Юз воссоздал тот строй души, который невозможно поколебать. Юз в духовном и нравственном отношении – непотопляем. К нему, как и раньше, тянутся, как к спасательному кругу.

Теперь, на склоне всего, становится особенно понятно, что наш человеческий и одновременно абсолютно виртуальный мир держится на каком-то количестве и качестве людей. В любые времена, при любом режиме и при любой погоде на дворе пайка осмысленной действительности буквально прихвачена на живую нитку благодаря усилиям нескольких, особенно живых умов. Нам и сейчас жизненно важно

знать, что думает Юз о независимости Украины и целостности Грузии, о том, нужен ли России особый Путин и не замешан ли наш Вильям, понимаешь, Шекспир в появлении на сцене Полония...

Вклад Алешковского в духовную жизнь России неоспорим и он еще, слава Богу, не завершен, а каждому, кто его прочтет, жить станет лучше, жить станет веселей.

Ольга Шамборант 2001—2007

Автобиографическая справка

*И с отвращением читая жизнь мою
я трепещу и проклинаяю,
и горько жалеюся, и горько слезы лью,
но строк печальных не смываю.*

Если бы величайший из Учителей, Александр Сергеевич Пушкин, не научил меня эдак вот мужествовать при взгляде на жизнь прошедшую, то я ни в коем случае не отважился бы самолично знакомить Читателя с небюрократизированным вариантом своей автобиографии.

Откровенно говоря, жизнь свою я считаю, в общем-то, успешной. Но для начала вспомним, что успех – от глагола успеть.

Начнем с того, что успех сопутствовал мне буквально с момента зачатия родителями именно меня, а не другой какой-нибудь личности в Москве, суровой зимой 1929 года. Слава Богу, что я успел родиться в Сибири, в сентябре того же года, потому что это был год ужасного, уродливого Перелома и мало ли что тогда могло произойти.

Затем я успел возвратиться в Москву и познакомиться с уличным матом гораздо раньше, к сожалению, чем со сказками братьев Grimm. Потом я оказался в больнице с баш-

кой, пробитой здоровенным куском асфальта, что навсегда нарушило в ней способность мыслить формально-логически и убило дар своевременного почитания здравого смысла.

Потом я пошел в детсад, но исключен был из него вместе с одной девочкой за совершенно невинное и естественное изучение анатомии наших маленьких тел. Так что в школу я попал человеком слегка травмированным варварски бездушной моралью тоталитарного общества.

Прогуливая однажды, я свалился в глубокий подвал, повредил позвоночник, но выжил. Врачи и родители опасались, что я останусь лилипутом на всю жизнь, хотя сам я уже начал готовиться к карьере малюсенького циркового клоуна.

К большому моему разочарованию, я не только продолжал расти, но превратился в оккупанта Латвии вместе с войсковой частью отца; успешно тонул в зимних водах Западной Двины; потом успел свалить обратно в Москву и летом сорок первого снова махнуть в Сибирь, в эвакуацию.

Вообще, многие наиважнейшие события моей жизни произошли за Уральским хребтом. Так что я имею больше конкретных прав называться евразийцем, чем некоторые нынешние российские политики, стоящие одной ногой в Госдуме, другой в Индийском океане.

Во время войны, в Омске, я успел влюбиться в одноклассницу буквально за месяц до зверского указа Сталина о раздельном обучении двух полов. По другим предметам я в школе драматически не успевал. Это не помешало мне

успеть не только схватить от любви и коварства, от курения самосада и голодухи чахотку, не только выздороветь, но и возвратиться в Москву здоровенным верзилкой – победителем палочек Коха, умеющим стряпать супы, колоть дрова, растить картошку, а также тайно ненавидеть вождя, с такой непонятной жестокостью превратившего романтические общения мальчиков с девочками в советской школе.

Я был весельчаком, бездельником, лентяем, картежником, жуликом, хулиганом, негодяем, курильщиком, беспризорником, велосипедистом, футболистом, чревоугодником, хотя всегда помогал матери по дому, восторженно интересовался тайной деторождения и отношения полов, устройством Вселенной, происхождением видов растений и животных и природой социальных несправедливостей, а также успевал читать великие сочинения Пушкина, Дюма, Жюль Верна и Майн Рида. Может быть, именно поэтому я ни разу в жизни своей никого не продал и не предал. Хотя энное количество разных мелких пакостей и грешков успел, конечно, совершить.

Я проработал с полгода на заводе, но школу кончить и вуз так и не успел, о чем несколько не печалюсь. Вскоре произошло событие не менее, может быть, важное, чем победа именно моего живчика в зимнем марафоне 1929 года, года великого и страшного Перелома. Я без ума втрескался в соседку по парте в школе рабочей молодежи. Любовь эта напоминала каждую мою контрольную по химии: она была со-

вершенно безответна. Дело не в этом.

К счастью, общая химия Бытия такова, что я с тоски и горя начал тискать стишки, то есть я изменил соседке по парте, Ниночке, и воспылал страстной любовью к Музе, которая впоследствии не раз отвечала мне взаимностью. Вообще, это было счастьем успеть почувствовать, что любовное мое и преданное служение Музе – пожизненно, но что все остальное – карьера, бабки, положение в обществе, благоволение властей и прочие дела такого рода – зола.

Потом меня призвали служить на флот. Переехав очередной раз Уральский хребет, я совершил ничтожное, поверьте, уголовное преступление и успел попасть в лагерь до начала корейской войны. Слава Богу, я успел дожить до дня, когда Сталин врезал дуба, а то я обогнал бы его с нажитой в неволе язвой желудка.

Вскоре маршал Ворошилов, испугавшись народного гнева, объявил амнистию. Чего я только не успел сделать после освобождения! Исполнилась мечта всей моей жизни: я стал шофером аварийки в тресте «Мосводопровод» и навечно залечил язву «Московской особой».

Начал печатать сначала отвратительные стишки, потом сносные рассказы для детей. Сочинял песенки, не ведая, что пара из них будет распеваться людьми с очистительным смехом и грустью сердечной.

Вовремя успел понять, что главное – быть писателем свободным, а не печатаемым, и поэтому счастлив был попол-

нять ящик сочинениями, теперь вот, слава Богу и издателям, предлагаемыми вниманию Читателя.

Ну, какие еще успехи подстерегали меня на жизненном пути? В соавторстве с первой женой я произвел на свет сына Алексея, безрассудно унаследовавшего скромную часть не самых скверных моих пороков, но имеющего ряд таких достоинств, которых мне уже не займеть.

Я уж полагал, что никогда на мой закат печальный не блеснет любовь улыбкою прощальной, как вдруг, двадцать лет назад, на Небесах заключен был мой счастливый, любовный брак с прекраснейшей, как мне кажется, из женщин, с Иррой.

Крепко держась друг за друга, мы успели выбраться из болотного застоя на берега Свободы, не то меня наверняка захомутали бы за сочинение антисоветских произведений. Мы свалили, не то я не пережил бы разлуки с Иррой, с Музой, с милой волей или просто спился бы в сардельку, заключенную в пластиковую оболочку.

В Америке я успел написать восемь книг за шестнадцать лет. Тогда как за первые тридцать три года жизни сочинил всего-навсего одну тоненькую книжку для детей. Чем не успех?

Разумеется, я считаю личным своим невероятным успехом то, что сообщая со всем миром дождались мы все-таки часа полыхания гнусной Системы, ухитрившейся, к несчастью, оставить российскому обществу такое гниlostное наследство и такое количество своих тухлых генов, что она

долго еще будет казаться людям, лишенным инстинктов свободы и достойной жизнедеятельности, образцом социального счастья да мерою благонравия.

Так что же еще? В Америке, во Флориде, я успел, не без помощи Иры и личного моего ангела-хранителя, спасти собственную жизнь. Для этого мне нужно было сначала схватить вдруг инфаркт, потом сесть за руль, добросить себя до госпиталя и успеть сказать хирургам, что я согласен рискнуть на стопроцентную успешную операцию на открытом сердце.

Всего-то делов, но я действительно успел в тот раз вытащить обе ноги с Того Света, что, ей-богу, было еще удивительней, чем миг моего зачатия, поскольку...

Честно говоря, если бы я имел в 1929-м какую-нибудь информацию об условиях жизни на Земле и если бы от меня лично зависело, быть или не быть, то... не знаю, какое принял бы я решение. Впрочем, несмотря на справки об ужасах земного существования, о войнах, геноцидах, мерзостях Сталина и Гитлера, диком бреде советской утопии, террариумах коммуналок и т. д. и т. п., все равно я успел бы завопить: **БЫ-Ы-Ы-ЫТЬ!** – чтобы меня не обогнала какая-нибудь более жизнелюбивая личность. Возможно, это была бы спокойная, умная, дисциплинированная, прилежная, талантливая, честнейшая девочка, меццо-сопрано или арфистка, о которой мечтали бедные мои родители.

Одним словом, сегодня, как всегда, сердечно славословя Бога и Случай за едва ли повторимое счастье существова-

ния, я горько жалуясь и горько слезы лью, но, как бы то ни было, строк печальных не смываю; жену, детей, друзей и Пушкина люблю, а перед Свободой благоговю.

Понимаю, что многого не успел совершить, в том числе и помереть. Не знаю, как насчет остального, например, хорошей натаски в латыни, греческом и английском, а врезать в свой час дуба я всегда успею.

Поверь, Читатель, в чем-в чем, а в таком неизбежном деле ни у кого из нас не должно быть непристойной и истерической спешки.

ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ

Опыты на герое

Не знаю, есть ли в истории литературы еще такой случай. Да, конечно, многие классики по 20 лет мурыжили свои сочинения. Переписывали, дописывали, шлифовали, полировали. Мне лично в принципе непонятен такого рода писательский труд – замысел, поиск выразительных средств (а-у-у!), трудности с реализацией задуманного и прочая. Зато легко могу себе представить, что некто способен накатать полифонический роман в кратчайшие сроки, следуя при этом некоему своему особому состоянию мыслей и чувств, не чуя, так сказать, рук и ног, несясь лихорадочно вместе со своими героями по волнам судьбы – так, как будто за ним гонится черт. Еще легче представить себе возможность создания короткого произведения – на одном дыхании и «продиктованного свыше».

Но вот такой случай – казус нового «Николая Николаевича» – мне кажется явлением в литературе исключительным. Переписано автором блестящее, стопроцентно состоявшееся произведение, изданное на многих языках, имевшее огромный успех, для многих – главное произведение автора. Произведение, в котором он впервые предъявил читателям свой неповторимый стиль повествования и мышления, свой метод, свою философию жизни и одного из самых дорогих его сердцу героев. Монолог-исповедь бывшего вора-кар-

манника Николая Николаевича, по страсти и по стилю потрясает с первых фраз. В этом мини-романе Юз впервые заговорил своим неповторимым языком, а читатель впервые окунулся в эту стихию свободы слова не только в политическом, а в методологическом и даже метафизическом смысле. Именно язык, как написал в свое время Бродский, оказывается не инструментом, а главным героем прозы Алешковского. Живой, богатый, новаторский, невероятно емкий язык. Повествование обладает чарующим свойством шедевра – невероятной скоростью, головокружительными перескоками с одного пика победы над невыразимостью экзистенциальной тоски или абсурдности жизни – на безымянную высоту, отбитую здравым смыслом у коллективного бестолкового.

Особого внимания заслуживает возрождение Алешковским похороненной под грубыми и уродливыми крокодиловыми памфлетами и хамскими карикатурами, характерными для сатиры и юмора советского периода – традиции русского «смеха сквозь слезы». Юзово остроумие и его редкостная сердобольность в так называемый «дописьменный период» его творчества оттачивались в невероятной точности словоупотребления при сочинении им песен и расцветали в подлинных перлах его гениальных афоризмов. НН оказался первым в череде потрясающих основы соцреализма и соцпоцмодернизма – неподцензурных и нецензурных памятников литературы русского застоя. Так же, как и в ерофеевском

шедевре, в НН и автору, и читателю – «и больно, и смешно», смех и восторг – самая лучшая форма для усвоения горестного содержания. Осмеяние – лучший способ борьбы со злом, целительный для тела и очистительный для души.

С годами стало очевидно, что, несмотря на многотомное и блестящее творчество Алешковского «за отчетный период», т.е. от НН-1 и до настоящего времени – НН продолжает жить в Юзовом сознании. Он персистирует, как возбудитель хронического заболевания. Он часть Юзова существа. Юз верит в НН. Доверяет его воображаемой реакции на бытие. В свое время он добыл НН из очень глубоких слоев безвоздушного пространства советского инобытия, как некое очень полезное ископаемое, а потому обновить роман – значит – добыть реакции НН на новые вызовы безбожной комедии нашей жизни. В девственной, но здоровой башке НН постоянно осуществляется синтез. Каша в его голове – это то, что получается от совместного бурления навязываемых советской пропагандой штампов, кулуарных разговоров в полуподпольной лаборатории, уроков мудрости жизни от старшего товарища – международного урки, литературы, прочитанной в процессе дрочки на благо науки (НН -донор спермы для новаторских экспериментов подпольных советских генетиков) и его собственного природного нравственного чутья. И потому особенно велик соблазн пустить НН по новому кругу бытия в небытии. Юзу интересно, а читателю полезно узнать, как и куда он поместит то или иное событие, ту

или иную информацию – в свою здраво мудацкую иерархию ценностей. Уже в многотомнике, изданном в России, Юз чуть-чуть дописал НН, уже двадцать с лишним лет назад НН стал ему мал. И вот теперь – нет, Юз не замахнулся на НН-2, на НН в иной исторической эпохе. Он просто фантастическим образом пропустил в прежние обстоятельства места и времени – новые знания. НН прошел краткий курс повышения квалификации, а Юз предъявил нам свое, авторское новое прочтение. Прочтение удалось запечатлеть то ли поверх, то ли рука об руку с исходным образом. Юз продемонстрировал нам результат интереснейшего эксперимента – литературный герой оказался матрицей, подходящей для многоразовой процедуры осмысления и преодоления бытия.

Николай Николаевич – архетип. Как и Дон Кихот, над которым он сам плакал три недели вместо того, чтобы ударно драть на благо научных дерзаний. Его адаптационные способности безграничны, но при этом в нем нет ни тени вульгарного приспособленчества. Он органически неспособен ссучиться. Расширение его возможностей никак не сопряжено с падением. Ему, так или иначе, присуща НОРМА, с высоты которой он брезгует, не доверяет, сторонится, сочувствует или, как в случае Влады Юрьевны – благоговеет перед тайной совершенства.

Исходный НН потряс в свое время, кроме всего прочего – невероятной скоростью авторской мысли. Фразы были

короткие и при этом невероятно емкие. Между словами зияли и сияли бездны сжатого смысла.

Теперь Юз создал «расширения». Прикоснувшись своей рукой к этому произведению снова, он словно на интерактивном экране добывает новый урожай – уточнение и размножение смыслов. НН остается самим собой. Он – матрица. Здоровое начало. Человек, который звучит гордо, даже будучи использованным в качестве подопытного существа наукой, советской властью, властью тьмы и волей автора. В расширенном варианте НН в еще большей степени представляется собирательным образом здравомыслящего не окончательно испорченного всенародного доброго молодца, который через все завалы советского экзистенциального бреда, похоже, все-таки выбирается на сушу труднодоступного пайка нормального существования на свете – прочь от коллективного безумия, прочь даже от взрастивших его интеллект ученых, которые по грустному признанию старичка Академика, тоже заняты суходрочкой, прочь – в тихую гавань любви и мирного созидания. (Не так же ли поступил и сам автор, когда свалил, по существу, не в Америку, а в частную жизнь, продлив ее в дали от суетной молвы – на радость себе, семье, читателям и друзьям?)

Забавно, но, похоже, Юз сам заразился от героев своей книжки, экспериментировавших на сперме Николая Николаевича с помощью прибора ИМ-1 (искусственная матка), и его неудержимо тянет экспериментировать на феноме-

не Николая Николаевича, как например, на приборе НН-1. И трудно с ним не согласиться! Это и вправду интересно и бесполезно.

После временного якобы повзрсления человечества мы сейчас как будто бы опять становимся свидетелями и участниками, и жертвами, конечно, ситуации, когда ничто, никакие знания-образования-умения не помогут и только нравственное чутье, звериная врожденная благонамеренность смогут или не смогут уберечь нас от гибели.

А вот Николай Николаевич слинял-таки от навязанного ему способа существования белковых тел – у него лично, а не под руководством партии, правительства, науки или даже Влады Юрьевны, – у него лично стоит теперь на дореволюционную книгу «Как самому починить обувь»! Это очень важный момент. Несмотря на все льготы хрущевско-брежневской тотальной дрочки НН выбирает для себя скромное созидание. Нет, не свершения и не замашка на прежде небывалое – починка уже имеющегося и обидно подразвалившегося. Господь создал прекрасный мир. С тех пор он только портится и уже изрядно преуспел в этом. Его надо починять, желательно своими руками. Николай Николаевич не только перестал воровать, не впрягается в ярмо рабского труда – он даже перестал дрочить в прямом и переносном смысле, он пошел дальше интеллигенции по пути избавления от иллюзий дьявольской мании величия. Он становится человеком, который намерен звучать ГОРДО и при том – НЕФАЛЬШИ-

ВО.

Ольга Шамборант

Николай Николаевич

Ирине Розенталь-Никифоровой, Алеше, Ольге Шамборант, Андриюше Битову и моей, в те дни рожденной Музе – на память о поддачах, комарах, свежей треске, землянике, дивных дюнах Рижского взморья.

1

Вот послушай. Я уж знаю: скучно не будет. А если заскучаешь, значит, полный ты мудила и ни хуя не петришь в биологии молекулярной, заодно уж и в истории моей жизни. Вот я перед тобой мужик-красюк, приборархлен, усами пошевеливаю, как кот, словивший мышь, «Волга» бегаёт, хата, заметь, кооперативная, а жена – скоро кандидат наук, главное, любовь ведь свыше нам дана, замена счастью она, примерно так сказал тот же Пушкин. Жена, в натуре, загадка – не менее, а если более, то тайна природы. Этот самый сфинкс с отбитым носом, который в Египте – я короткометражку видел, – говно по сравнению с ней. В нем, кроме памятника, и раскалывать-то нечего, если разобраться. Ну о жене речь впереди. Ты помногу не наливай, половинь. Так забирает интеллигентней, и шнифты не разбегаются, как у зайца. Закусы-

вай, а то совсем окосеешь и еще лет триста умом Россию не поймешь... я тоже, как видишь, совершенно ее не понимаю, но все-таки закусываю.

Короче говоря, после войны освобожденный я девятнадцати лет, образование – от звонка до звонка – культурные трехлетние беседы с различными врагами народа, замечательно умными русскими, евреями, литовцами, чеченами, немцами и прочими равноправно посаженными членами дружбы народов. Тетка меня в Москве прописала: ее начальник паспортного стола ебал прямо на полу в кабинете. И месяц я нигде не работал. Не хотел. Куропчил потихоньку на садке, причем без партнеров, даже пропаль перепулить быю некому. Артистом называли щипачества, легендой такого вот артистизма. Если б Сталинскую премию за него давали... впрочем, хули пороть утопию? Видишь пальцы? Ебаться надо Ойстраху – мои длинней. И, между нами, чуял я этими пальцами, что за цвета у купюры в лопатниках или просто в карманах. А сколько в Москве залетных щипачей, но парчушек, которые за рубль горят или за пару билетов на футбол со Спартаком? Тучи! Тянут лопатник и тянут, сохатые, как дедка репку, вытянуть не могут, потеют, на цырлах балансируют, потом вы-тя-ги-ва-ют, тут их – за жопу и в конверт. У нас в стране, чтоб ты знал, не считается, сколько спиздил, главное – не воровать.

Как, спрашиваешь, однажды я сторел?.. нет, не жадность, сука, погубила – собственный волюнтаризм подвел, моего

хуидола... дело прошлое, одна цыганка мне гадала – мы с ней кувыркались-клоунадили за кулисами театра Ромен: остерегайся, мой хороший, автобусов... не внял я, позорник, не внял... была в том проклятом автобусе полезная давка... я заподлицо прижался к тендеру одной охуительно аппетитной дамочки... в сумочке бабки нащупал, вытянул, перепулил их за отворот ботинка, работаю, блядь, как Игорь Кио – хрен уследишь, где фокус, где фикус, то есть накось выкуси, Петровка 38... и вот тут, надо же, они, сволочь, изволили, видите ли, заторчать... плевать данному органу – одна из его кликух, Шершавый – на чувство реальной, как дважды два, опасности и наоборот... это не одно и тоже – научись размышлять, скептик ты ебаный... он себе тупо упирается, как ишак у Хаджи Насредина... куда, блядь, куда?... ну хули ты пристал?... я же позади нее стою, а ведь у любого, как известно, хуирода заместо трезвого ума – лишь инстинкт самовставания тогда, когда залупой вниз болтаться надо... скажу тебе так: ни в истории, ни в географии природы – ни малейшего не будет порядка, пока они, хуидолы и хуироды всего человечества, не начнут вставать вовремя, как, допустим, у собак, котов, тех же ишаков, слонов, моржей и других млекопитающих... проблема-то в том, что демография у народа вшивовата, вот, кирюха, в чем дело, тогда как самой ебли на душу населения намного больше, чем дальнейшей нужды в быстрейшем укреплении породистого генотипа нашей популяции – иначе нам пиздец... вот тебе и а-а-а!.. я и сам та-

кой: всю дорогу завожусь с полоборота, но это уже профессия... как видишь, являюсь не только инструктором-мастурбатором высшего разряда, но и испытателем не хуже самого Коккинаки... я даже сейчас, вроде тебя, тахикардирую, как у окошка женской бани, давление скачет, прерывается дыхание... это злобучая либедуха загуляла по буфету – это она... если хочешь знать, мы, козлы, попривыкали ее использовать все больше ради кайфа ебли, а не заветного распорядка, общеизвестно Кого именно, насчет плодитесь и размножайтесь, так как ебля это вам не игрушка... позже узнаешь, что это за звери – либедуха и Эрос, промеж ног который у тебя вырос вместо умственного развития обоих полушарий того же не обученного мозга... автобус, значит, пыхтит, мой, еще раз подчеркиваю, тупо упирается в самую что ни на есть святую для каждого существа женского человеческого пола позицию... еще пяток секунд, и он, как бывало, кончил бы в трусики – плевать ему на них, не он стирается... но, как и было мне цыганкою нагадано, судьба распорядилась по-своему, так как, в ее глазах, любой шершавый – пшик, зола, ничто... чудесная дама завопила на весь автобус, прямо в член моих мудей вцепилась, я остолбенел... чехты, горю с поличным, хотя потом уверял я следака, что чьи-то бабки мне в ботинок нарочно перепулил какой-то жулик в форме капитана МВД, которого немедленно надо бы отыскать, поймать и обезвредить... бесполезняк – все такое нашему следствию похую, не в Америке находимся... но вот какое странное дело: точ-

но такого, как я напророчил, щипача, в офицерской форме, отловили с поличным через пару дней, а меня тут же разогнали... теперь до конца срока жизни – хуй вот я еще разок в автобус сяду... лучше поползу по мостовой, скажем, в бар, чем сесть в коварный этот вид транспорта.

Ну ладно, куропчу себе помаленьку. Маршрут троллейбуса «Букашка» освоил и трамвая «Аннушка». Ксивы разные, заметь, не брал. А если попадались, я их по почте отсылал или в стол находок перепуливал – надо все ж таки совесть иметь. Был при бабках. Очень изводила, в тесноте, близость девичьих и женских даров природы. Иногда, на всякий случай, подвязывал шершавого косынкой к ляжке, чтоб в давке не осатаневал, грешный дьявол преисподней.

А у метро «Кировская» процветала ярмарка девчонок и бабенок, домработниц. Эти трясогузки летали стаями в столицу, так как хули им было толку от вшивых колхозных трудодней. Наебешься, бывало, с двумя-тремя ночью, в Нескучном, так, что коленки подгибаются, как у новорожденного телка. Один раз ебанулся в обморок, девки ужаснулись, сбегали за «скорой», санитары увезли меня на носилках во Вторую Градскую – почти не дышал, порол какую-то хуйню, так что запомни: подбалденный переерб намного вредней трезвого недоеба... да, да, переерб – нечто вроде заворота кишок и болезни Приапа... Приап был царем, кричал от боли, поскольку хер его моржовый, то есть авторитетный, в древнем мире, член, вообще никогда не ло-

жился... согласен, частично поэтому пиздец и надвинулся на всю древнюю Грецию – от нее остались только боги, их резиденция в горах, остров Лесбос и Олимпиадное движение спортсменов к финишам различных стартов. Не спасибой – не следует кирюх благодарить за соль, лекарства, спасение от смерти и за уроки истории – это хуевая примета. Я уж собирался поджениться на дочке теневика-миллионера, но она была тупа, некрасива, лопала много конфет, даже не помогало устрашение, что жопа слипнется от бесконтрольного такого пережора сладостей. Мне это обрыдло. Честно говоря, свобода всех телодвижений личности дороже трехразового питания и полового отъебона, причем, безо всякой любви. Потому что только любовь к одной во всей Вселенной даме сердца чудесно сдерживает свободу распутных, как это бывает, телодвижений – вот почему, и хватит, я сказал, кончай почемукать!.. Вдруг тетка говорит:

– Сосед тебя, Луку Мудищева сраного, в институт к себе берет. Лаборантом будешь. Все одно – погоришь. Гуталин велел политбюро разделить твоё ворье на сук и блатных, чтоб, как с тифом и другим геморроем, жестоко и навсегда покончить с преступным миром. Это не параша: у моего любовника брат на Лубянке шпионов мышеловит – он все знает прямо от Берии, с которым на вась-вась. С чем-чем, а с садизмом прокурорской власти у нас не заржавеет. Я перебздел. Везло мне что-то очень долго. Специальность получить хотелось, но работать не любил. Не могу – и все. Хоть

убей. На зоне кто не работает, тот не ест, а кто мантулит и, как лошадь, упирается, тот вообще – дистрофик, доходяга, долго не живет. Отучили людей мантулить по-совести, особенно, в лагерях. Кроме того, воровка никогда не станет прачкой, а урка не подставит свою грудь. Пришлось идти в институт к соседу, потому что примета есть такая: перебздел, значит, вот-вот погоришь. И в натуре, замечаю в трамвае, как и в троллейбусе, топтунов в штатском, у них в карманах «несчастья», в шнифтах жестокий блеск.

С соседом этим, в институте который, мы по утрам здоровались. Он в сортире подолгу сидел, газетой шуршал и смеялся. Воду спустит и хохочет. Ученые – гад буду, все они авоськой стебанутые. По-моему, он, в комсомольском возрасте, тоже мою тетку ебал. В общем, устроился я в его лабораторию. По фамилии – Кимза, нацию не поймешь, но не еврей и не русский. Внешность вполне благородна, ничего себе – красюк, но какой-то, блядь, усталый, седоватый, хоть лет ему всего под тридцать шесть, похож на помесь Калинина со Шверником минус козлиная бородка всего лица.

– Будешь носить реактивы и помогать ставить опыты. Захочешь – пойдешь учиться. Что скажешь?

– Нам татарам – одна хуй. Что ебать подтаскивать, что ебанных оттаскивать.

– Твоего постоянного мата я больше не слышу.

– Всегда-пожалуйста, хотя мат сближает человека с судьбой его личного дела и личных вопросов других людей.

2

Неделю работаю. Таскаю хуйню всякую, склянки мою, язык солью какой-то обжег в обед, яйца всмятку хавая, ну и закономерно дрисстал дня два чем-то синим. Думал, соль поваренная, а она, падла, химической была. Бюллетень не брал однако. А то бы в очко миномет вставлять начали, как в лагере. Чернил пузырек я тогда, у опера, уделал, чтобы на этап северный не идти. Собственно говоря, работаю. Оборудую новую лабораторию. Микроскопов в ней с хуеву тучу, навалом приборов, моторов, реторт, змеевиков, реостатов и рубильников – я их с детдома уважаю. Были там и клетки с белым расизмом мышей, против чего боролся Мандела. Нас выгоняли на митинг, руки прочь от которого, но я сачканул, закосив резь в желудке от той же дристогонной химсоли. Вдруг мне надоело упираться, верней, остоебенило. Я даже пошалил. В буфете у начальника отдела кадров лопатник из «скулы» увел ради тренировки искусства своей профессии. Что тут началось! Взвод в штатском прикандехал на замаскированном броневике, из института никого не выпускают. Генеральный шмон, разве только в очко не заглядывают. А все из-за чего? Я с лопатником пошел в сортир отбомбиться, раскрыл, а в нем хуй ночевал – нет бабок. Только ксивы и пара доносов. один – на Кимзу. Науку совсем не туда саботажно направляет со стрелок истории нашей партии, на со-

брании не поет интернационал, не хлопает, голосуя примал отвратительный вид вредителя народа, а также с ненавистью, жидовская морда, выключает всесоюзный голос Юрия Левитана, все опыты вышеуказанного экспоната направлены против человека, который звучит гордо, и поэтому косвенно расшатывает экономику.

Понял? Червонцем завоняло для Кимзы. Пятьдесят восьмой. Но я стукачей не люблю, более того, презираю этих глистопявок. Нет, теми доносами я не подтерся, а спустил их в унитаз. По ним, получалось, что весь институт – сплошной заговор осинового гнезда, а значит, я тоже состою в числе заговорщиков. Донос на Кимзу я из сортира вынес. Взятый лопатник мойкой расписал на части и тоже спустил в толчок канализации всей страны. Дверь кто-то дергает, орет и бушует. Я вышел. Застегивая ширинку, вежливо объяснил танцующему сотруднику, что химией обхавался и что дверь в сортир – не зуб мудрости, нехуй ее дергать, надеюсь, въехали?

– Смотрите, – говорю Кимзе, – ксива на вас.

Он прочитал, побледнел, поблагодарил меня, все понял – и хуяк бумажку в мощнейшую кислоту. Она у нас на глазах растворилась к ебени бабушке. Так вот гангстеры в Америке растворяют стукачей, хотя у нас нет свободной продажи подобной кислоты. Как что было бы, если б выбрасывали ее на прилавки? Приводишь инога неумно зловердного сексота, ии соседа-доносчика, допустим, на свалку. Там уже стоит полный чан самой царской серной кислоты, бросаешь туда

крысеныша, посадившего уйму настоящих человек – все, пиздец – в природе больше нет еще одного настырного врага человечества. Вдруг меня дергают к начкадрами с помощниками. Я, сам понимаешь, в несознанке, так как не могу и не желаю иначе.

– Не такие, как вы, портные шили мне на Петровке дела, и то они по швам расползались в первую же примерку!

– Показания есть, что ты позади меня в очереди терся. Может, старое вспомнил?

– Ебал я все показания, кроме дружеских. Много ли там было бабок?

– Если речь о деньгах, то их совсем не было.

– Ну, тогда бы я на такое говно никогда не позарился. У меня не пальцы, а глаз-алмаз, как у Вольфа Мессинга, так как чувю, что в лопатнике: капуста или немудреная всякая ксивота.

Ну они там посмеялись. Отдохнули, видать, с моим простым языком, а не со всякими «Да здравствует, блядь, всегда вперед, но если, как сказал Чехов, у врага народа все находится в прекрасном состоянии – и шнифты, и прическа, и шмутки, и душа – то его уничтожают к ебене фене». В общем, меня отпустили.

Назавтра говорю Кимзе, что работать больше не буду. Принципиально – я не рабочий, а артист своего дела. Я, говорю, на тахте люблю лежать и хавать книжки. Тут он как-то странно покнокал, то есть не просто так косяка он на ме-

ня давил, как это делает начальство, когда его начинает побывать какая-нибудь мудацкая идея. Потом начинает изда- лека насчет важности для всего человечества этой его мо- лекулярной биологии, и что он начинает опыты, равных ко- торым в истории не бывало нигде и никогда. Одним сло- вом, эксперимент. И ему необходима моя работа, названная то ли благодарной, то ли благородной, во всяком случае, зае- бенно творческой. Но самое интересное, что она и не ра- бота, а сплошное удовольствие, причем высокооплачивае- мое. До такой насладительности тыщу лет ебаться надо всем остальным наслаждениям. Главное, как говорил Аристотель, не бздеть надо, пояснил Кимза, пердячим сероводородом, а отнестись к ней, к работе, по-мужски, без предрассудков и с далеко идущей мыслью о будущем человечества. Ким- за – его речь я делаю для тебя понятней – чаще всего напи- рал то на грядущее, то на историю, потому что, говорит, та- таро-монгольское иго зверски притормозило прогресс науки нашей родины лет на триста, ну и Европа, естественно, влу- пила нам, как ты выражаешься, шершавого – по самую но- соглотку. Верней, нас она обогнала по всем предметам, пока мы, распиздяи курские, брянские, орловские и прочие, бога- тырские свои раззявив варежки, отсиживали свои жопы – зи- мой на печах, летом на деревьях – и пели, гондоны, широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек. Короче, всех нас русских, включая сюда дружбу народов, так истори- чески наебали, что лично тебе, Коля, выпадает масть отыг-

раться – есть во весь! – за все такое международное блядство торможения научного прогресса родины Ивана Сусанина и Зои Космосодемьянской, Александра Матросова и артиста Николая Крючкова. Не все ли тебе равно, мудила, это Кимза увязывает героиню войны с космосом, или я?.. а раз все равно, то хули ты каждый раз выскакиваешь, как яйцо из ширинки.

– Слушай, сосед, не еби ты мне мозги, о чем речь-то? – говорю Кимзе.

– Ты должен стать донором.

– Кровь, что ли, сдавать, потом ее же и пропивать?..

– Нет, не кровь.

– Что же, – смеюсь, – если речь о говне или о ссаках, то я не кулак – всегда готов отдать таковое свое добро в копилку пятилетки нашей страны.

– Сперма нам нужна, Николай. Сперма!!!

– Что за сперма?

– То, из чего дети получают.

– Какая же это сперма? Это – молофейка. Молофья, трекать если по-научному.

– Ну пусть молофья. Согласен сдавать молофью для науки? Только не пугайся. Позорного в этом ничего нет – наоборот, все мы, имею в виду многострадальную нашу отчизну, совершим с твоею исторической помощью героический рывок, приделаем заячьи уши прошлым, а также нынешним Чингисханам Запада. Кстати, полнейшая тайна такой сдачи

тебе гарантируется. Твердо.

– Я готов – это заебись, как смешно, главное, не по-троцкому, а по-нашенски, по-мушкетерски. А сам-то ты чего ж не сдаешь молофейку? – Кимза сразу помрачнел и нахмурился.

– Во-первых, дирекция обвинит в выборе объекта исследования по родственному признаку, во-вторых, достаточно во-первых. Давай, соглашайся.

Тут я сел на пол и хохочу, стараюсь не обоссаться, как защекоченный. Ни хуя себе работа – аж аппендицит заныл безбожно.

– Зря ты ржешь, Коля, ты же не болван, зря. Сядь и послушай, для чего нам нужна твоя сперма, – сказал Кимза.

Шутки-шутками, а я прислушался, и оказалось, что план у Кимзы таков: я дрочу и трухаю, что одно и то же, а молофейку эту тончайше вмазывают на поверхность спецстекла и всячески под микроскопом изучают. Позже попробуют ввести таковую молофейку в матку бесплодной особе женского пола и посмотрят, влетела она, или нет. Тут я его перебил насчет алиментов в случае чего. Заделаю вот если десяток пацанов с пацанками, а потом, значит, шевели рогами в получку, как накормить, напоить и приборохлять всех этих разьебаев из мною же заделанной шоблы-еблы, да?

– Оплату труда и временную – до исторического торжества нашего реванша – как и тайну твоего научного подвига тоже, твердо гарантируем, пусть данная проблема тебя не ко-

лышет. Ни о каких алиментах не может быть и речи.

И еще у него имелись – совершенно уже секретные планы – всестороннего исследования моей молофейки. Обещал их перечислить, как только приступим к опытам. А хули, думаю, капусты подзаработаю за свою самозаветно околонаучную деятельность, куплю домик в Крыму с фруктовым садом, заведу гарем, как крымский, из ссылки приканавший, татарин. Ну и поябываю себе по очереди тройку баб, колупаюсь там с виноградом дамские пальчики, с клубникой и прочим мармеладо-повидлом – насрать мне разом на все ихние пятилетки и отдавание бабок в долг партии с правительством на дальнейшее развитие народного хозяйства. Это они, козлы, так поливают, а в натуре наши бабки прожирают иждивенцы-паразиты забугровых компартий, ну те, которые готовят мировые кризисы, пожары и прочие революции, я бы папу ихнего ебал.

Веришь, кирюха, у меня заторчал от всех этих ебоглазых разговоров – хоть сию минуту начинай трудиться во славу родины социализма и демократии передового правосудия!

Мне это было не впервой. До тюрьмы я не дрочил, а на зоне каждый сотый не трухает, остальные девяносто девять дрочат, как сто. Если сгоришь на трех своих вокзалах, сам помастурбируешь, намотаешь всю эту ебаную апперцепцию себе на ус – куда ты нахуй денешься, немедленно если не завяжешь, не начнешь трудиться. Учти, наша зона – далеко не тюрьга заграницей, где человеко-зек имеет право на уче-

нье, отдых и на труд. Само собой, при отличном поведении, раз в неделю, в ЛондОннах-Парижах, ихнему зеку-человеку положены строго регулярные половушные контакты с заказными Нинками-Зинками-Лизками и прочими Ирисками. Кинет тот человек пару-тройку палок – вот и дровичь ему уже не надо, и именно такое положение вещей называется – гуманизм. А то едешь в «Анушке», кнокаешь в окошко, на каждом шагу гуманизм, блядь, гуманизм, а в тюрьмах что и на зоне? Зеков вместо гуманизма держат в черном теле – вот что, ебена кровь. А на воле, допустим, тому и другому полу негде поебаться из-за жилищного вопроса, то есть негде. И, выходит дело, в одной стране, отдельно взятой чертями за жопу – такова уж ее судьба – весь злоебучий половой вопрос перекосяеблен сикось-накось. Я это к чему?.. Все дело в том, чтобы такие издевательства над либедухой морально не переживать... я же сказал, что о ней – позже, или не сказал?.. Ну подрочил на зоне – и подрочил, отдал природе должок – и отдал. А другой подрочит, утречком уныло канает на вахту, как убитый – страдает от ядовитого презрения к слабости свой воли. А что потом? На всю жизнь себя он этим переживанием калечит. Да, на всю жизнь. Он уже говно, а не летчик-испытатель Коккинаки. Знал я Мильштейна Левку, мошенника, мы с ним кушали. Отбой, зеки сеансов поднабрались после трофейной киношки, ну той, которая, в общем, есть у тучки светлая изнанка, а также нагладелись на забугровую голожопость дамских фоток. Тишина, за ра-

боту принимаются кожаные движки... темная ночь, ты, любимая, знаю, не спишь... и с другим лейтенантом лежишь... и поэтому, верю, тайком... ты слезу вытираешь... какой там нахуй для нас, в бараке, гуманизм?.. Не до дрочки только врагам народа, переломанным на Лубянке, доходягам и прочим инвалидам. Левка Мильштейн зубами скрипит, борется с собой и постепенно засыпает. Я ему советовал дрочить хотя бы раз в месяц, День Красной Армии, 8 Марта, Первомай и по революционным праздникам, религию не трогаем, но он – ни в какую, потом попал в дурдом, его комиссовали.

Ну ладно. Задумался я и спрашиваю Кимзу про условия. Сколько раз спуск? Какой отпуск, рабочий день, оклад, название должности в трудовой книжке?

– Во-первых, будь добр, не говори «спуск, спускать» – ассоциируешь волшебство таинства спермы с ничтожеством говна в унитазе коммуналки. Во-вторых, оргазм – ежедневно по утрам, всего один раз, еще два часа на отдых, а также на усиленное питание для возрождения новых сперматозоидов, они же живчики. Оформим тебя техническим референтом. Оклад – по внештатному расписанию, так как должности, подобной твоей, еще не бывало в многострадальной истории нашего отечества, а может, и всего человечества. Рабочий день не нормирован. Восемьсот двадцать пять рубчишков. Ежемесячная прогрессивка. После результативного оргазма и отдыха – кино, цирк, футбол, но ни в коем, понимаете, случае не алкоголь и не шаланданье к гунявым про-

фурсеткам блядского типа. Воздержись от коитусов вообще и в частности.

3

Я вида не подал, что удивился, я просто охуел, как вот ты сейчас. Приду, думаю, струхну, времени полно – эх, Коля, канай фокусничать пальчиками на трамвае «Аннушка», в троллейбусе «Букашка». В случае, если погорю – смягчающее обстоятельство: работаю в секретном институте, где вредность для характера, порча невменяемых нервишек, зряшный износ организма – он, блядь, скажу, не железобетонный. В общем, согласился. Вечером сходил к Фан Фанычу, учителю, старому международному урке. Высшего класса был жулик, профессор нашего искусства, пока границы не закрыли на Карацупу и его верного друга Ингуса.

– Ты, – говорит он, – счастливчик, ты везунчик, но продешевил: молофейка дороже черной икры стоит. Конвертируется почти наравне с платиной, радиоактивностью и другой металлически редкой мудозвонией. Они же тебя наебали! Я бы этим биологам поштучно бодал свои живчики. На то им и микроскопы дадены – мелочь подсчитывать. Поштучно, блядь! Понял?

– Понял, как не понять, я – вполне мыслящая жопа, значит, существую. Ведь живчик – это самый наш цимес. И на здоровье частая дрочка дурно влияет, усыхает спинной мозг, как у Николая Островского. Не бзди, Фан Фаныч, цену я постепенно подниму – не фраер.

– Жалко вот, нельзя разбавить молофейку, вроде как сметану в магазине, или квас с пивом, раз уж у нас Советская власть во главе с вороватым социализмом демократии высшего пошиба. Тоже навар был бы.

– Не согласен. Молофейка, конечно, не сметана и не пиво, но во ее-то не надо разбавлять, не надо. Это наводит порчь на народонаселение всей страны. Например, мне лучше уж похимичить, как химичит весь наш народ. То есть я, попрдержав кайф, выдаю на-гора не всю сразу порцию молофейки с одного оргазма, а чуть меньше половины, как меня учила Шурка, пионервожатая. Это, я думаю, вполне безобидная экономия личных средств, не мешающая опытам. Все равно ведь во всем мире ни за хуй погибает 90 процентов живчиков, если не больше.

– Не советую придерживать, нельзя прерывать половые сношения даже с Дунькой Кулаковой. Испортишь силу воли, тогда и ноги пойдут невольно, как у алкаша в снегопад. Я одну даму из-за этого разогнал. Только и вопила: «Будьте добры, извергайте, пожалуйста, ваш спрыско-спуск куда-нибудь в другое место!» «Может, в среднее ухо?» – спрашиваю. «Все равно куда, лишь бы не в мир кляйне мутер!» У меня, на почве прерывания, ногти ног и рук почти перестали расти. Пришлось разогнать эту даму. Поезжайте, рекомендую, фрау, в колхоз имени Гитлера, где и сливайте молоко в бидоны. Так что кончай уж, Коля, чисто по-человечески. Тащи бутылку с получки. Сдери там с них молоко за вредность

трудо­вой за­да­чи и ска­жи, что тем, ко­то­рые ус­пеш­но сда­ли кровь, с ува­же­ни­ем не­сут на тарел­ках ба­цил­лу. Не будь фра­е­рю­гой. Ведь в Аме­ри­ке пять раз ст­рух­нешь – спе­шишь, как Чар­ли Чап­лин, к кон­вей­е­ру и по­лу­ча­ешь но­вый фор­дик. По­нял?

Ну заявляюсь поутрянке на работу, краснею, здороваюсь с белыми халатами – тужусь, так как разбирают смехуечки и немного за себя неловко, как девчонке кинуть палку в телефонной будке, если страшнейший на улице мороз. А с другой стороны – хули, думаю, краснеть? Пускай ебучее человечество пользуется. Может, моя самозаветность пойдет ему на пользу. Смотрю, для меня уже хавирку маленькую приготовили, метра три с половиной, правда, без окон, как камера у графа Монтекросто. Лампочка матового света. При такой драть полезней, чем с лампочкой Ильича. Тепло. Лично я, на месте любого вождя, ебал бы всякие мавзолеи, где очереди, как в общественный сортир. Оттоманка стоит. Рядом, на стуле, открытая ждет пробирка для порции моей трудовой молофейки.

– Ну вот, Николай, твое рабочее место, – говорит Кимза.

– Только договоримся – без подъебок.

Тут Кимза и велел мне не развивать в себе какой-то комплекс неполноценности, а, наоборот, гордиться, что сначала я стану секретным, потом всемирно известным первопроходцем в науке и передовой, можно сказать, пионерской гинекологии.

– Все такое, – наглею бесстыдно, – нужно мне, как пятке хуй, лучше пуляйте за вредность булку белого, птюху черст-

вого, триста грамм любительской с фисташками и жареного фашиста в очках.

– Располагайся. Приступай, сразу научись докладывать нажатием красной кнопки о приближении извержения семени. Как только скомандую бригаде ученых: внимание – оргазм! – вдумчиво его восприми, затем смело и без потерь извергай подопытную сперму. Сразу после оргазма прошу не зевать, а осторожно закрыть пробирку пробкой.

– Чтоб они не слиняли в побег?

– Я тоже прошу – без шуточек, – взъярился Кимза, как елдою вдаренный промеж шнифтяр.

– Тогда уж и ты называй результат вредной моей работой как-нибудь по-нашенски – лучше бы по-русски. А то какой-то, видишь ли, у вас «оргазм» – это вредно пахнет вопросами марксизма-ленинизма.

– К сожалению, Коля, не имеется в нашем великом и могучем иногo слова. В этом тоже виновато Чингисханство, Иван Грозный и прочее крепостничество. Теперь еще вот гениев поубивали, а вместо Вавиловых расплодили вонючих Молодиных. Тебя ждет работа всего коллектива – трижды вымой руки спецмылом до чисто хирургической кондиции!

– Сучий потрох, возмущаюсь, какая может быть история у всего народа, когда он никуя не имеет важнейшего слова... нет, вижу, умом, в натуре, Россию не понять, и я теперь не успокоюсь... ну просто все у нас, блядь, имеется: и одна шестая суши – не то что у японцев, у них всего-то от хуя

уши – мы и фашизму ввели в очко залупу с отворотом... само собой, Пушкин с Есениным, по небу полуночи ангел летел, потом Лука Мудищев... в смысле, ебется вошь, ебется гнида, ебется тетка Степанида, ебется северный олень, ебются все, кому не лень... хули говорить? – тут и дружба народов с балетом, и вообще по самую горлянку – лесов, сука, полей и рек, и за столом никто у нас не лишний, кроме врагов народа, и мавзолеев Ленина-Хренина, а в стене Кремлевской, как меда в ульях, заслуженных пеплов с сожженными прахами – короче, каждый божий день миллионы рыл кончают, сука, кончают и кончают, ахают и охают... мы все-таки являемся нацией дружбы народа, а не хуем собачьим, но почему-то на русском совсем никакого не имеем «оргазма», главное, ни одного ученого это совершенно не ебет, а с меня не слазит... нет, такое положение официально я в гробу видал... не желаю его списывать на Чингисхана и другие оккупационные организации, допустим, на КПСС, припишем к ней, как толкуют во дворе, сионских мудрецов будто бы мирового жидо-масонского заговора... в общем, это у меня не понтовая эпилепсуха из-за «оргазма», а натурально русский заторчал в уме вопрос.

Ладно, я отвлекся... закрываюсь в своей комнатушке, она же бывший ленинский уголок, прилег, задумался, вспомнил, хер знает почему, как в побег с сельхозработ ушли мы с кирюхой в бабский лагерь и переебли там всех вороваяк, а те, кому не досталось, все больше фашистки и фраерши,

трусы с нас содрали и на части их разодрали, чтобы хоть запах мужской иметь под казенными одеяльцами... вспомнил, значит, а мой змей горыныч уже, как кобра под дудку, башкой своей грешной поводит... вновь терпеливо поясняю: кобра – это очкастая дрессированная змея... затем беру дальнейшую эрекцию в свои грабки. Я тогда ебся не так уж и регулярно, сразу, не заметив как, струхнул... полпробирки собрал, на которой разные наляпаны секретные значки и другие черепа, дескать, поосторожней с живчиками, они вам не кильки балтийские в прямом посоле, но нефуфловое будущее для разных злоебучих планет... целый млечный путь, как говорил, подрочив, мой сосед по нарам, бывший астрофизик... астры – это не цветы на могиле, а исключительно звезды... на него дружок стукнул, что он Землю как планету в рот ебет, если на ее одной шестой происходит такая большевицкая хуета, что ни в какие ворота она вообще уже не лезет... опять, сука, отвлекся... знаешь, почему отвлекаюсь?.. в нашей научной конторе больно уж я привык к интеллигентному треканью, а с тобою я от всей своей души оттягиваюсь, так как, клянусь, охуенно люблю речуги детства круглосиротного и, нихуя не поделаешь, фени юности моей жиганской... тараню пробирку Кимзе.

Кимза размазал немного молофейки по стеклышку, а остальную в какой-то всовывает прибор, весь который обледенел, так что пар от него повалил, как из ширинки Дед-Мороза, пыф-пыф-пыф... говоришь, не может пар из ши-

ринки валить?.. да, я этот факт своими глазами еще в первом классе детдома зафиксировал... тогдашний внутришкольный Дед-Мороз, он же физрук, надрался в сардельку и ввалился на урок во всей форме, усы, бородища и прочий серебряный иней, все на нем мигает, сука, все на нем блестит... этот физрук в нерабочем положении пилил нашу Фаину Петровну, которая на городской елке халтурила Снегурочкой... и она, то есть училка, захипежила, мол, у нее урок арифметики, тут двадцать восемь маленьких граждан, короче, шел бы ты, сволочь постоянно буханутая, в жопу... тут Дед-Мороз, в ответ – как рванет на себе ширинку, вот оттуда и пар повалил, как зимой из форточки... рванул и орет, что щас обоссу весь класс, потом заморожу, если ты, Фаинка, не пойдешь со мною в пионерскую комнату, там я красное знамя уже разложил на полу... кстати, в пятом классе я у того же бухого физрука ляпнул из нажопника, прямо на физкультуре, всю получку... директор-зверь весь детдом раком поставил, но получку нигде не нашли, потому что я ее притырил в шкафчике самого физрука... найдет – хер с ней, с получкой, не найдет – еще лучше... целую четверть тайно жрал конфеты, угощал девчонок и курил папиросы «Север»... за все такое запретное девчонки мне показывали неспелые еще сиськи и кое-что другое... хули говорить, спасибо товарищу Гуталину за наше счастливое детство... не знаю, почему вспомнил я все такое очень уж грустное, не знаю.

Посмотрел Кимза в микроскоп и глаза на меня вытаращил. Словно по облигации выиграл сто тонн.

– Ну, Николай, ты супермен, сверхчеловек, невероятно, почему – не спрашивай, потом поймешь, я тебя поднатаскаю в биологии.

– Покнокать-то можно?

– В другой, в другой раз. Сейчас иди. До завтра.

Ну я строю из себя солидняка и говорю, что за донорство в Америке дороже платят, раз питаться надо после каждой палки от пуза, а то подрочу с неделю, и вся наука остановится: станут доходягами живчики всей моей молофейки. Тебе это нужно?

– А что бы ты хотел иметь из закуски? Учти, с продуктами сейчас вшивовато. Вся страна, кроме вождей и завмагов, сосет по девятой усиленной.

– Мяса грамм двести, можно и триста, хлеб с маслом, стакан жареных семечек, бутылку кефира, стакан чифирка.

– Зачем же семечки?

– От скуки, во время дрочки, их можно кидать под верхний клык свободной рукою.

– Семечек не будет, сие – антигигиена, а насчет мяса похлопочу. Мой шеф – академик-вегетарианец, сам великий Хреново. Возьму у него спецталоны, он огромное значение тебе придает – огромное.

– Тогда увеличивай зарплату. Из своего кармана, что ли, платишь?

– Увеличим. Вот организую лабораторию, ставок выколотчу побольше, и увеличим. Хорошо будем платить за твою молофейку. Богатая она у тебя, Николай, богатая и неслышанно наизлющая, ею можно львицу оплодотворить, то есть такую, как у тебя, молофейку не сравнить с большинством молофеек рядовых. Влада Юрьевна, бегу, бегу! Вахтеру скажи: наряд на осциллографы идешь получать. Ну иди, отдыхай, а то у меня, из-за бесхозяйственности и халатности администрации, все твои живчики к ебени матери передохнут. Ну иди, отдыхай, а то у меня, из-за бесхозяйственности и халатности администрации, все твои живчики к ебени матери передохнут. Это ты приучаешь меня к мату.

– Вахтеру все скажу, на чернуху я мастер, но впредь о моей матери не говорите ни одного дурного слова.

– Извини, если обидел.

– Ничего, проехали станцию Большой Вопрос, следующая платформа Седовласопиздецкая, далее везде.

5

Однажды канаю по институту, и первый раз в жизни со-
весть во мне заговорила... ищачат все эти доктора, канди-
даты, лаборанты, а я подрочил себе в удовольствие – и го-
тов... еще в планетарий стремлюсь, рвуся в короткометраж-
ку, в одной грабке – французская булка с поджаристой вер-
хушечкой, саму булку, сука такая, Гуталин обозвал город-
ской, а в другой – двести грамм докторской... словом, как-то
неловко перед рабочим коллективом... а с другой стороны,
молофейка науке нужна и, значит, всей стране... вот только
на дремоту волокет после каждой дробки... даже лень было
щипать на центровых моих маршрутах... пошел я в бар пив-
ка пить, похавать раков, погрызть жареных сухариков из чер-
няшки... кстати, учти, от пива стоит, надо лишь думать о ба-
бе после пяти кружек, а не насчет поссать... как же не по-
ссать, говоришь?.. внушать себе надо уметь – вот как... йоги,
которые в Индии обитают, даже не срут по месяцу и больше,
а ссаки в пот превращают и в слезы... я так полагаю, что, по-
научному, по-нашенски, по-биологицки, кал, то есть говно,
у этих йогов в запах превращается... ну вот, скажем, спирт...
ты его не закрыл – он и выдохнулся... только спирт быстро
выдыхается, а говно долго – в нем, в говне, молекула совсем
другая, и очень вонючая, гадина такая... а уж про атом го-
венный и говорить нечего... он, блядище, и не расщепляет-

ся, наверное, в синхрофазотроне... между прочим, спрошу у Кимзы, что будет, если атом собачьей кучи расщепится... верняк – мировая вонь поднимется до облаков... ты пей... спиртыга – высшей чистоты... мне на месяц, спасибо международному урке Фан Фанычу, два литра выдают, муде перед оргазмом дезинфицировать... ну а я навожу экономию, как настоящий советский человек... ведь как было дело?.. Кимза всем остальным выдает спирт, а меня бортает... ну уж хуюшки, думаю себе, и в пробирку к молофейке грязь наскреб с каблука – не фраер, нас не наебешь... Кимза сразу тревогу забил.

– Почему живчики не стерильны? Почему они чумазые? Руки трудно вымыть донору?

– Надо, – говорю, – при опыте не руки мыть, а общеизвестное народу мужское орудие производства... оно у меня, небось, с утра до вечера в брючатах фигурирует, а не в безвоздушном пространстве... мало ли где побывает за сутки?

– Сколько спирта?

– Два литра.

– Многовато. Триста грамм хватит.

Тут я доказал, что прежде чем за инструмент браться, нужно все пальчики обтереть, на обеих, причем, руках, скажи спасибо, что их не дюжина, как у Джина в музее Востока, заодно, мало ли что еще, как говорится, необходимо стерилизовать.

– Хорошо. Литр на месяц.

– Э-э! – уперся я. – так дело не пойдет... литр – это в расчете на самый укороченный вид члена, как, допустим, после холодного моря Гагров, а на увеличенный треба раза в три больше... и я еще зарядил по совести... я, блядь, тут самое ценное в себе отдаю неблагодарным потомкам, которых не знаю и знать не хочу... в Америке давно б уже дачу имел на курорте, свой «Линкольн» и другую недвижимость... между прочим, не мертвые души государству бо-даю, как Чичиков, а свежую свою родную спермо-молофейку извергаю на-гора... поэтому нехуй на мне экономию разводить, не надо... как человек, желаю звучать гордо... ты меня залей спиртом, и я его сам первый бухать не стану... а то шушукается в сортире и подъебывают некоторые падлы институтские, что я своего остолопа при жизни заспиртовать решил... мандавошки, да если бы не он, то был бы конец вашей карьеры, и вы бы не диссертации защищали, а свои жопы на летучке у директора... на моем остолопе только и держитесь – не на лошадином же памятника Юрию Доолгорукому... учреждение наше склочное и нет в нем никакого порядка... не то что в тюрьме или в БУРе... я сроду ни на кого не стучал, но если вы, змеи, зажмете спирт, клянусь мамой, открыто стукну хуем по столу парткома, месткома и профкома!

– Полагаю, Николай Николаевич прав, – вмешалась в толковище младшая научная, Влада Юрьевна.

– Прекрасно, два литра – ни грамма больше! – После чего

Кимза отдал команду готовность номер 1 к эксперименту.

Вот мы, кирюха, и со спиртиком... я даже рационализацию устроил: протираю лежачий, а не стоячий, премию за экономию средств однажды получил... будем здоровы, хавай... ты мой гость, эту севрюгу с красной икоркой я специально для тебя сегодня оставил... черную, между прочим, не уважаю... у меня диатез от нее... жопа идет пятнами, чешется ужас как, и хлористый кальций надо пить, а он, сволочь, горький очень.

Отправляюсь, значит, по утрам в институт, номерок вешаю, в свободное время не путаюсь с Машками, Зинками, Дианками, Фаинками, потому что боюсь лично наебаться и по сдаче спермы фуфло двинуть, крутануть, как сейчас говорят, динамо... почему?.. потому что херовато стал я себя чувствовать... нервно сплю, какой-то, в движении, вялый – хуже воблы... решил предъявить я Кимзе ультиматум, мы с ним подружились, поскольку он одинок, я одинок – хули ж нам собачиться?.. ты, говорю, тратишь энергию на работу простую, а я на самую в человеке главную... когда кончу, на ногах еле стою и под ложечкой тянет... не думай, что жлобствую, мой, в натуре, косорылит организм от суходрочки... может, мне после такой растраты семенного фонда – и жить-то лет еще пятнадцать, потом гужуйтесь уж тут без меня... тем более, ебля, как таковая, уйдет в преданья старины глубокой, владыками умов будут не Шершавый с Пиамой Здановой, как прелсказывает Академик, а Ш и П, то есть

шприц с пробиркой... от всего такого модернизма, так говорит Паша, мой дружок, у меня печалька, и я на ее почве начинаю ненавидеть все человечество заодно со своей молофеейкой, а это уже самый настоящий синдром Гуталина-Грозного... Фан Фаныч считает, что внутри меня стала распространяться мизантропия... Кимза, конечно, успокоил... сейчас, оказывается, на солнце бушуют неслыханные магнитные бури, поэтому мизантропией ненависти потягивает от всего человечества, но, к счастью, данные выебоны солнца не влияют на дружбу собак, кошек и лошадей с такими нами, то есть с дебилами враждебных страстей и мудацких идеологий.

Тем временем у Кимзы успешно опыты пошли, он иногда, согласно утопизму, мечтал поставить атомно-заводной такой памятник лично моему, по его выражению, неимоверному другу науки... тот торжественно вставал бы рука об руку с лучезарностью восхода, а ровно в полночь укладывался покемарить, допустим, под песню снова замерло все до рассвета, можно и под темную ночь, ты, любимая, знаю, не спишь, или тихо вокруг, сопки покрыты мглой... в старину такие фаллические памятники устанавливались повсеместно... как и в честь замечательного плодородия Пионы Зданской, общей нашей матушки... нахера же их снесли?.. застеснялись, мудаки двуногие... а кого застеснялись-то?.. ведь так называемый хуй у любой живой твари мужского пола, кирюха, если разобраться, – один из двух самых важнейших органов всех времен и народов... точно так же, как,

еще раз подчеркиваю, Пиона Зданская... это клевое название придумал Академик... и она, и он, то есть хуила грешный, хочу я сказать, гораздо главней мозгов... мы же, люди, миллионы лет назад не одними мозгами, бывало, ворочали, но и крайне пронырливыми муде, а дамы рожали, рожали, и рожали... мозги же тем временем постепенно развивались... да если бы не так, то и ракета была бы не на хуилу похожа, в момент его эрекции, а на жопу – только вонища, и никакого преодоления тяготения Земли... помни мое слово, вот увидишь: когда мозгам больше некуда будет развиваться, настанет общий пиздец... в те времена стоять не будет даже у последних идиотов, вроде нас с тобой, и у всяких Приапов... все будут исключительно давать дуба, а в родильных домах и в салонах для новобрачных пооткрывают цветочные да венковые магазины... они-то – хер бы с ними, а вот на улицах под ногами стружки зашуршат, так как начнутся столярные работы по выпуску гробов на душу населения... хули ты шнифты раскрыл?.. такая эра всемирного Эроса наступит еще не скоро, да и общий пиздец, возможно не надвинется... кроме того, Влада Юрьевна считает, что есть мы, или нихера нигде нас больше нет – самого Бытия, как бы то ни было, не может не быть принципиально... точнее, до такого положение ебаться надо оптимизму с пессимизмо-скептицизмом, но заткнись, я тебя умоляю... хорошо, Эрос, на нашем русском – это одна из самых авторитетных Высших Сил, можно сказать, наиебучая Сила в Зако-

не... не знаю поэтому ли у Солнца имеется Корона, заткнулись... словом, я говорю Кимзе:

– Набавляй, мне и приборахлиться надо, и телевизоры скоро выпускать начнут, а то опять воровать пойду или на водителя троллейбуса «Букашка» учиться... кроме того, мне сватают дочь теневика, тот меня засыпет бабками – лишь бы она рожала одного за другим... желаю получать раза в полтора больше, иначе – женюсь, и, как говорит народ, весь хуй до копейки.

– Ну-ну! Не бесись, сочувствую, мне для тебя ничего не жаль. Вот получу когда Сталинскую, или Нобелевскую – отвалою приличную сумму. А сейчас времена в нашей науке сложные и тяжелые. Дай Бог важный опыт до конца довести! Завтра начнем, зарплату увеличим за счет увольнения уборщиц.

Ну, я обрадовался! Хрена с два на автобусе столько зарабатываешь, не то что на «Букашке» и «Анушке».

6

И направился я на радостях в планетарий. Сначала поддал пивка – развел им трезвое одиночество. Я люблю это дело. Садись под легкой балдой в кресло, лектор тебе чернуху раскидывает про жизнь на других землях и лунах, а ты сидишь себе, дремлешь, над башкой твоей дурашливой умнейшее небо появляется, и звезды на нем и все планеты, которые у нас в стране не видны, например, Южный Крест, и чтобы его увидеть, надо границу переходить по пятьдесят восьмой статье, которая мне нужна, как муде будильник. Вот мигают звездочки и созвездия разные, небо тихо оборачивается, а ты, значит, под легкой балдой в кресле, вроде бы один на всей Земле, и ни хуя тебе, твари жалкой, не надо. И вдруг светать начинает. Пути Млечного уже не видать, розовеет по краям. Хитрожопый какой аппарат! Потом куранты бьют – бим-бом-бим-бом, скорей бы утро – снова на работу, по-десять рассчитайсь! Зеваю. Гимн Советского Союза. Слава Богу, думаю, что не на нарах лежу и не надо мне, шелюмку похлебавши, пиздячить к вахте, как курва с котелками.

Поддал еще в пивном баре – лишний раз обмыл прибавку, потом попер к Фан Фанычу, а у него в буфете буквально хуй ночевал. Пришлось бежать в гастроном. Ну захмелел международный урка и учитель, завидует мне, хвалит, велит

не трепаться, чтобы не пронюхал всякий хмырь-студент.

– Бойся, – говорит, – добровольцев-энтузиастов. Их у нас, идиотов, дохуя и больше.

Отлично бухнули. Утром проспал, бегу, блядь, а в башке от борта к борту, как в кузове, жареные гвозди пересыпаются. Кимза на меня Полкана спустил, орет, что задерживаю важнейший опыт, внимание – оргазм!

А около прибора, от которого пар идет, Академик-старикан бегаёт в черной шапочке и розовые ручки потирает. Запираюсь в своей хавирке, включаю дневной свет. Рука у меня дрожит, хоть бацай на балалайке, а кончить никак не могу, дрочу, весь взмок, самому себе кажусь мизантропом первобытным. В дверь Кимза стучит:

– Почему оргазм задерживается? Безобразие!

У меня уже руки не поднимаются, слабость под ложечкой, все – пиздец котенку, раб трепещет, увольняйте, тираны, без выходного пособия, пропала моя молофейка. Открыл дверь, зову Кимзу.

– Что хочешь делай, у меня на лицо сухостой, побаиваюсь, что никак не кончу. – Академик просунул голову в хавирку.

– Что же вы, батенька, извергнуть не можете семечко, нам необходимое?

Я совсем охуел от страха, стыдно, заваливаю опыт, хотел в ту же минуту уволиться по собственному, как вдруг младшая научная, она же Влада Юрьевна, одергивает Кимзу с Академиком:

– Коллеги, пожалуйста, не вносите беспокойство в настроение супердонора.

Она меня в виду имела, ноги задрожали, сердце об ребра – утык-утык-утык, ужасно уши чешутся. Захлопывает дверь.

– Прикройте, – говорит, – пожалуйста, ваши синие, Николай Николаевич, довольно невинные глаза, расслабились, будьте добры, вообразите себя в нирване.

И вот, кирюха, собственной рукой, верхней рученькой... веткою черемухи... мягким тестом для пельмешек... горячо, как под юбкой чайной бабы для заварки чифирка... с чего это могут быть мои глаза невинными, если сам я развратен до основания, а потом... потом – что будет – то и будет... ой, мамочки, не могу, ей-богу, прямо помираю... берет она вполне откровенно этого змея, так сказать, за весь его член... тут все во мне так напряглось, словно кто-то в спинной мой – прямо каждым позвоночком зазвеневший позвоночник – алмазные... в натуре, помираю... гвоздики забивает серебряным молоточком, и окунает меня с головы до ног в ту самую нирванну с пивом бочковым, и по той пене красные раки ползают, а также плавают в ней жареные черные сухарики... вот, блядь, какое было высочайшее удовольствие!.. не знаю даже, сколько времени прошло, вдруг чую: вот-вот кончу, загнанный оргазмом, как и жизнью, в совершенно безвыходное положение, и уже сдержатъ себя не могу, заскрипел зубами, изогнулся весь, заорал невероятным каким-то баритоном – а-а-а-... потом Академик сказал, что до такого бари-

тона ебаться надо басу Юрия Левитана и тенору Ивана Козловского.

А Кимза сообщил, я ногами колотил, орал-хрипел секунд двадцать от охуенного, как никогда, насладительного удовлетворения... сам же я отключился в обморок – в такую небывало счастливую бессознанку, в которой еще не бывал, хотя ебуся и обалдеваю лет с четырнадцати... ясное дело – любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь и так далее... ты сбегай в сортир-то, свой дымящийся подставь что ли под холодную воду – иначе в те же трусики струхнешь... открываю шнифты, свет горит, ширинка застегнута на все пуговицы, в башке холодно и тихо, и вроде бы набита она сырковой массой с изюмом, очень я ее уважаю... никаких научных дум и никакого нет былого у меня похмелья... выхожу один я на ковровую дорожку, в лаборатории на меня зашикали... Академик над прибором, от которого пар валит, колдует и напевает: «...А вместо сердца пламенный мотор»... как себя было не уважать в такую минуту... я и уважал... вдруг что-то треснуло, как молния, что-то открыли, гайки скинули, академик крикнул: «Ура!» – подбежал ко мне, трясет руку:

– Вы, батенька, возможно, прародителем будете вновь зарождающегося человеческого племени на другой планете! Каждый ваш живчик пойдет в дело! В одном термосе – народ! В двух – нация! А может, наоборот. Сам черт не разберется в этих сталинских формулировках. Поздравляю! Же-

лаю успеха. – И убежал.

Ничего не понимаю. Влада Юрьевна смотрит на меня, вроде и не она дрочила, а оказывается, вот что: мою наизлюбленную молофейку погружали в разные жидкие газы, замораживали, превращая ее в плоску льда, ну и оттаивали. Оттают и глядят: живы хвостатые или нет, а в них гены спирально затасованы. Никак не могли газ подобрать и градусы. И вот – подобрали. И что же? Ракет тогда еще не было. Но Академик с Кимзой мечтали запустить мою молофейку на какую-нибудь планетенку, вроде нашей, и – в общем – я в этом деле не секу – посмотреть, что выйдет... понял?... ты ебало не разевай – еще не то услышишь... мои живчики вместе с чьи-то попавшими яйцеклетками выбрались бы из беременного стеклянного прибора, как ты вот из маменькиного пуза, бух! – прямым в питательный бульон, скажем, Венеры, знаком я с которой по планетарию... через девять месяцев появляются в том бульоне живехонькие Николаи Николаевичи!.. их целый десант, и приспособливаются, распиздяи, к окружающей среде... так возникает жизнь во Вселенной... не веришь, мудила?... а ты вот вместо четвертинки возьми в Елисейском карпа живого, заморозь и поутрянке в теплую ванну брось – он непременно оживет... так вот, возвращается Академик-старикашка, я стараюсь не смотреть на Владу Юрьевну – пылаю от стыда... хотя нет, сначала я Кимзе сказал, что желаю краем глаза взглянуть на этих живчиков... пристроил шнифт к микроскопу, гляжу... их, хвостатеньких

головастиков, видимо-невидимо... правда, что народ или нация, главное, я их папаша... Академик беззлобно замечает:

– Вы, Николай Николаевич, как-нибудь, пожалуйста, сдерживайте себя, не рычите, не орите при оргазме, а то уж по институту слух пополз, что мы вивисекцией здесь занимаемся. Времена знаете какие? Мы – генетики – без пяти минут враги народа. Да-с. Не друзья, а враги. Сдерживайте себя. Трудно. Верю. Помню молодость. Но сдерживайтесь. Хотя бы грызите зубами карандаш, как случилось однажды со мной в нынешней Коммунистической аудитории.

– Скрипеть, – говорю, – зубами нельзя, от этого в кишках зарождаются глисты.

– Кто вас, милый вы мой, информировал?

– Училка естествознания в детдоме.

– Кимза! Подкиньте эту идею Лепешинской. Пусть ее тупые сатрапы скрипят зубами и ждут самозарождения глистов в своих прямых кишках... Шарлатаны! Варвары! Нахлебники! Враги народа!

Тут Академик закашлялся, закатил шнифты под потолок, побелел весь, трясется, вот-вот хуякнется на пол, но я его на руки взял и усадил на мягкий стул.

– Не бздите, – говорю, – папаша, ебите все в рот, плюйте на солнышко, как на уют, разглаживайте морщины! – Академик засмеялся, целует меня.

– Спасибо, – говорит, – за доброе, живое слово, не буду бздеть, не буду! Не дождутся! Пусть бздит неправый! – Он

эту народную мудрость сначала на нашем сказал, потом ее же трекнул по-древнеримски.

Кимза спирт достал из сейфа. Я закусон приволок свой донорский, ну мы и бухнули за успех науки. Академик захмелел, кричит, что не страшна теперь человечеству всемирная катастрофа и что если все какой-то вагинеткой накроются и замутируют, голову сломя, то моя сперма зачнет новых первосортных чугреев на другой планете, а интеллект – дело наживное, если он вообще человеку нужен, потому что хули от него, кирюха ты мой, толку, от интеллекта этого?.. ты бы посмотрел, как ученые хавают друг друга без соли, блядь, в сыром виде, разве что пуговички сплевывают... а что у нас за международное положение?.. хуеватое оно, вот какое... у зверей, небось, львов там или шакалов, даже у акул и у собак нету ведь международного положения, а у человека есть... только из-за распущенного интеллекта... ладно... прости за лекцию... вздрогнем.

Короче, прихожу на другой день или после воскресенья, ложусь в хавирке на диванчик, а мой что-то косорылит – ушел в отказ... дrouchу, дrouchу, а он, подобно мавзолейному чучелу, видите ли, не встает, возгордился... а дело было простое: я ведь в выходные о Владе Юрьевне мечтал, сеансов внутренне набирался – влюбился, злоебитская сила... но работать-то надо... Кимза без толку орет: внимание, товарищи, – подготовка к оргазму номер 1... все нервничают еще больше меня... представь себе, Влада Юрьевна говорит, что, мол, у меня теперь какой-то стереотип динамический в голове образовался, и ей придется снова вмешаться... от одних этих слов ее голоса медового я чуть было не струхнул... села она опять рядышком, вырубил свет... а-а-ах... словно впервые пронзает... а-а-ах... до кишок достает меня еще не открытая физиками наук всемирно ебитская сила... а-а-ах... закрываю шнифты, лечу в тартарары, зубами скриплю, хер с ними, с глистами, а в позвоночник мой по новой забиваются, загоняются серебряным молоточком алмазный гвоздик за алмазным гвоздиком... ебс, ебс, ебс... по жилушкам уже не кровь течет, а веселые прошагивают ребята джаз-оркестра Утесова, и, клянусь, ногти чешутся на руках и на ногах так, что, как кошке в течку, – все охота царапать, царапать и рвать на кусочки... тебя пиздячило когда-нибудь током триста во-

семьдесят вольт, ампер до хуя и больше, в две фазы?.. а меня пиздячило... так это все мура по сравнению с тем, когда кончаешь под руководством Влады Юрьевны... золотисто-огненная молния... пусть меня расстреляют в Нескучном саду, лицом к Москва-реке... совершенно огненная молния розово-искрящихся лучей, колен этак в двадцать, ебистосит тебя промеж больших полушарий, не подумай только жопы, бери выше – головы!.. и – все... только радуга от тебя остается, испарился ты в дрожащую капельку какой-то тяжелой ртутищи... и снова, тебе кажется, навсегда рассыпались все двадцать розовых колен той неопишуемой молнии... выходит дело, я опять орал и летел в бездну без дна и крышки... Кимза ворвался, весь бешеный, белый весь, пена на губах, заикается, толком сказать ничего не может, а Влада Юрьевна ему и говорит, спиртом рученьки протирая:

– Опыты, Анатолий Магомедович, будут доведены до конца. Не теряйте облика ученого, так вам идущего. Если Николай Николаевич имманентно кричит, то ведь при оргазме резко меняются параметры психологического состояния, при этом механизмы торможения становятся бесконтрольно расшатанными... это – отдельная проблема... считаю, что необходимо строить сурдобарокамеру и заказать новейшую электронную аппаратуру... чем нервничать – поинтересовались бы о наличии в Японии элегантных автомастурбаторов на батарейках, будьте добры, обойдитесь без ухмылок и прочей порнографии. Возможно, мастурбация – наиболее труд-

ная, чисто психологически, в науке работа.

Ты бы посмотрел на нее при этом... волосы мягкие, рыжие, глаза спокойные и никакого блядства на лице – загадка, дама-сфинкс, то-то и оно-то... а у Кимзы челюсть трясется, на ебальнике печальном – собачья одинокая тоска... был бы маузер – в решето распатронил бы меня, блядь буду, если не так... ну, ты знаешь, я не фраер, подобрался, как рысь магаданская, и ебал я теперь, думаю, всю работу, раз у меня любовь и второй олень появился на голубом горизонте данной снежной пустыни.

– А вас, Николай Николаевич, я прошу не пить ни грамма спиртного минимум две недели, чтобы не травмировать сперму и не терять времени на излишне долгую мастурбацию. У нас его мало. Лабораторию вот-вот разгонят, – сказала Влада Юрьевна и вышла, протуберанка солнца моего, она одна души моей отрада и тот же негасимый свет. Не думай, не в ебле было дело, совсем не в ней, то есть не в половой ее части.

– Чего залупился? Давай кляпом рот затыкать буду, – говорю Кимзе.

– А без кляпа не можешь?

– Ты бы сам попробовал.

Он опять побелел, но промолчал... опять же, не знаю почему, раздается у меня в мозгу, уверяю тебя, голос ангела, моего хранителя, что никакой мне больше не положено скорой помощи Влады Юрьевны... он это – как отрезал, а я... я

обрадовался и зарекся: такое, решаю, больше никогда не повторится, я – свинья, говно, а не летчик... и сразу, вместо стыда, у меня в башке возникли наполеоновские планы... дай, думаю, немедленно разузнаю, где живет Влада Юрьевна... незаметно сел в ее троллейбус, сошли на одной остановке, представляя себя Штирлицом, незаметно же слежу, держусь на расстоянии... темно... она идет под фонарями в черном пальто-манто, ножки красивей колонн Большого театра, белые, стройные, красиво сужаются к ступне, а у меня стоит, как новый валеный сапог... сам я без пальто, на башке грузинский аэродром с Дубининского рынка, выиграл в очко у одного кацо... кое-как отогнул шершавого влево, руку в кармане держу, неловко двигаюсь, она вошла в подъезд... вот уже по лестнице поднимается, коленки иногда видны такие, что мозги идут в разнос... пятый этаж, ушла... а у меня в глазах ее коленки... вдруг пожилой ко мне подходит мент и говорит:

– Хули ты выглядываешь тут, прохиндеище?

– Нельзя, что ли?

– Ну-ка, руку вынь из кармана! Живо!

– Я тебе что – на хуй соли что ли насыпал?

– Р-руки вверх! – заорал мент, я смеюсь. – Руки вверх, сказано!.. – вороненое «несчастье» достает и холодным дулом в ребра тычет... поднимаю грабки, а у меня торчит – карманный пулемет-«максим».

Мент посмотрел, ахнул, дуло к сердцу моему перевел

и прямо за него – не за сердце же – цап-царап.

– Это что еще такое?

– Пощупай получше и доложи начальству, что у такого-то, там-то, во столько обнаружено торчило, дымящееся прямо в вверенном лично мне дворе. Убедился?

– Документы есть? – «Несчастье» он сразу запихнул в кобуру.

– Дома оставил, даю слово... в данный момент у меня, как у латыша – лишь хер да душа.

– Совсем одичал народ. С чего это он у тебя, тут же у нас все же приличный двор, а не чердак со всегда поддатыми блядьми.

– Любовь у меня, сержант, поэтому, как видите, встал мой дурак самостоятельно... свое-то вспомнили бы первое чувство.

– Не было его ничерта... какое там нахер чувство!.. она меня охмурила, отравя, нарожала трех остолопов, теперь плачу алименты, блядь, лишний раз не поддать... чувство!.. иди уж, дурак, куда шел, весь ты в комель уродился. Увидел, что ли нечто голообнаженное?

Посмотрел мент, голову задрал, нету ли где в окошке чего-то такого, я сунул ему в лапу купюру, попросил врезать пузырь за мою судьбу, он взял, вздохнул и слинял... сажусь на краешек мостовой, напротив ее дома, и гляжу, как стебанутый мешком с клопами – вдруг выглянет в окошко... любовь, это тебе, кирюха, не червонец срок волочь – это судь-

ба чувства на всю жизнь, от звонка до звонка... ой, блядь, какие тогда треволнения терзали мою душу... и вроде бы кто-то гвозди мне ржавые под ногти загонял... ты, повторяю, не думай, что все дело в ебле, как доказывал Лукой Мудищевым... мне бы просто так смотреть на лицо ее – в нем блядства ни на грош – на волосы то ли русые, то ли рыжие, заглядывать в глаза... они у нее тоже – иногда зелено-карие, а иногда темно, допустим, бирюзовые... а вот когда именно такими они бывают – обойдешься, знать тебе не положено, когда ее глаза становятся такими, как бы это сказать... словом, утро осеннее, утро туманное, иначе не обрисуешь... или возьмем руки... подобных больше нет ни у кого – даже у огоньковского портрета богини Венеры, на которую весь барак дрович, пока надзор не отобрал... вот с чем бы тебе, мудила, сравнить эти руки?.. допустим, стоишь ты босиком на льдине... семь ветров дуют в семь твоих бедных дырочек... у нас, то есть у мужчин, тупым-то не будь, всего семь, а у женщин их восемь... всего-то на одну дырочку больше, а сколько во всем мире шухера, картин, портретов, тут и голые статуи, и танцы лебедей, загибающихся от балетного мороза прямо в хер ишачий, и, разумеется, Зоя Космосомская, она же Валентина Чкалова, совсем заговорился, короче, много чего еще... не важно чего... а то, что, по твоим словам, женщина мало выигрывает как раз из-за той самой лишней дырочки, то ты рассуждаешь хуже ебаного Лысенки... постыдился бы так логичить в наши дни, когда генетика

в жопе... леди, чтоб ты знал, всегда красивей джентльмена... так говорит Академик, мой учитель Хреново... возвращаемся на льдину... развивай воображение-то, иначе выше своего шершавого не прыгнешь... в душе, в общем, сквозняк, и жизнь твоя, чтоб я пропал, на льдине кажется чужой зеленой соплей, нависшей над прорубью в бездну бездн... харкотинной, более того, она тебе кажется, но все дело-то в том, что вокруг тебя конвой... весь он в белых полушубках, жареные бараньи ноги, видите ли хавает, обжигается... буквально подымаешь от запаха... да, ты от него врезаешь дуба чисто физицки и чисто биологицки тоже... дрожишь, смотрю, от холодрожности моего богатого воображения?.. а ты поддай... вот так... и вдруг... вдруг нету на той льдине ничегошеньки, верней, ни тебе конвоя, ни жареных бараньих ног, главное, никаких хуев моржовых с белыми медведями... только теплый, теплый, мягкий-мягкий, как между ляжечек у той же... в общем, у Леди с большой буквы... и вместо льдины, песочек я имею в виду, пальмы, а под пальмами шоколадные цветущие дамы со следами былой красоты на лице, и одна, самая из них дебелия, подходит и намазывает тебе бесплатно на муде целую банку розового крема... нет, не для бритья который, а для пирожного эклер – оно не Наполеон... ты что – совсем уже чумеешь?.. я, учти, не шампанская муха, чтоб нарочно тебя возбуждать и даже раздрачивать... короче, тебя так быстро перевели из одной окружающей среды в другую, словно бы из карцера в больничку, что ты в данный перевод

ни хера еще не веришь, орешь от невыносимого впечатления, хуякс – и в обморок... а ты не горюй, как говорит один мой знакомый грузин, который гений... поумнеешь – завяжешь на трех вокзалах замки отгрызая у чемоданов, в ВУЗ поступишь, ты умный, попадаешь еще по обморокам-то, куда ты нахуй денешься... встретится и тебе в твоей судьбе дама сердца, вроде Влады Юрьевны, – вот и попадаешь... ты малый с температурой в 30 градусов жары – буквально ртуть кипит в залупе твоей грешной... ты нелогично спрашиваешь: что в жизни человеку надо?... но ответу: свобода плюс птюха кровного, законного тепла, и конечно же, взаимная любовь с одной единственной женщиной, еще раз подчеркиваю, во Вселенной... большинство всего остального, с одной стороны, геморрой, с другой – щекотка в носоглотке... хули ты ко мне с обмороками пристал, ну, блядь, просто как оголодавший кобель к шеф-повару кабака, когда из адской кухни выходит тот поссать на чистую атмосферу рабочего дыхания... что я, академик что ли анализировать обморок?... почему?... почему... злоебитская сила, шевельни извилинами-то.

Ведь мужики редко когда падают в обморок, все больше женщины... вопрос: какие именно?... ответ: простые работяги... не только асфальтировщицы, которые дети солнца в своих оранжевых жилетах... тут и кассирши, и бухгалтерши, и в химчистке которые блевотину нашу принимают, и воспитательницы из яслей, и продавщицы, особенно зи-

мой, когда на улице овощи продают, синюю птицу, фрукты, мороженое филе трески, и со стройки бабы, и с мяскокомбината, и изо всяких артелей, фабрик, портновских ателье... хуево ты относишься к женщинам... ну, сука, я про них ему толкую, а он пристал с синей птицей... синяя птица – это цыплята, посиневшие от бесхозяйственного дефицита, в дальнейшем Советская власть выбрасывает их в продажу перед Новым Годом, первомаем, седьмым ноября и выборами в верховный с понтом совет... не перебивай мысль... ведь как дело обстоит?... вроде бы за день наебется баба на работе так, что только пожрать – и на бок... и намерзлись милые бедняги, и жопы отсидели нежные, и руки ноют, и глаза болят, если баба чертежница, и ноги у парикмахерш отекают, и башка у уборщиц кружится стоять раком – заебешься дым глотать, как все они охуевают от радикулитов, моючи полы министерств, киношек и вокзальных сортиров, все грязное, сука, обоссанное, засратое, изbleванное – ну как им всем звучать гордо в койках-то?... или возьмем кондукторшу: ей не то что не в мочь понежиться, допустим, со мною, потом культурно поебаться... какое там! – гадом быть, у нее язык уже не ворочается, за день наорамшись в трамвае «Аннушка», граждане, берите билеты, с передней площадки не соскакивать, отрежет ноги нахуй, ну и так далее... короче, ей уже категорически не до интим интимыча интимкина... а на самом деле в чем секрет-то?... или муж, или ебарь, или я... хули ты забеспокоился?... само собой, и ты тоже... кидая

ем, значит, этой поишачившей бабенке палку, и она, птичка, пожалуйста – превращается из доходяги-воробышка, думаю, не менее чем в жаворонка, так?.. я ж тебе это положение не раз разжевывал, хромосома ты поврежденная.. вот летчик, в пике когда входит, тоже в обморок брякается... и космонавты, пока не вырвутся на свежий воздух стратосфер из вонищи нашей атмосферы, заодно уж припиши сюда нырятьщиков, которые добывают ракушки с жемчужными бусами... у многих должностей и профессий, кроме придурочных членов политбюро, чтоб ты знал, случаются перегрузки... для ума они непостижимы, для остального организма – пиздец как невыносимы... так же вот и в ебле, когда долгосрочную кидаешь палку, они наступают, то есть перегрузки... пойми, кирюха, ты ведь не в розетку на 220 вольт мокрый палец всовываешь, а при оргазме дотрагиваешься, как говорит Влада Юрьевна, до самого что ни есть Бытия... все в этот миг исчезает к ебени бабушке у работающих бабенок: и заботы, и ломота, и что за квартиру не плачено, и какая-то мандавша чулок порвала в автобусе, а ему в паре с другими пять рублей цена – пара дней работы... все забывается, еще раз подчеркиваю, что не в хвост, а в гриву, за день доябывает рабынь труда... а вот, приблизительно, миллиардерши, рабыни капитала – те не то что в обморок хуякнуться, но они же вообще не могут кончить, говорю официально... разберем почему, так как тебе, совершенно уже ни во что не верящему Андропу – хуй в жопу, клянусь

советской властью – чтоб уж поскорей она накрылась! – ты меня достал... поэтому и парирую твою безграмотность диалектикой логики окружающей среды, она же природа.. слышал про кино Муссолини «Сладкая жизнь»?.. там это дело показано... мы с Владой Юрьевной были в Главке на просмотре... потому что, я забежал вперед, дочка зам. министра кино попала от моего живчика – вот почему... про кинозвезд читал?.. эти пять раз замуж выходят... разве убежит баба от мужика, если он ее превращает в жаворонка или выводит в космос, а она под ним помирает, птичка, от счастья?.. ни в жисть не слиняет... тем более, наша жисть устроена хитрожопо... раз тебе на обед какаду, леденцами набитые, и шашлык из муравьеда, и лакеи в плавках шестерят, а в гардеробе шуб, что в комиссионке, и три машины внизу, да в каждой водила с монтировкой до колен, только позвони, прибежит и влупит, – то от всего такого избытия ты в обморок не упадешь и, вообще-то, хорошо не кончишь... все Облонские в таком доме захавались – и муж и жена, и ихняя ебучая обслуга... отсюда хулиганство в крови с легкими телесными повреждениями... бывают и тяжелые... она никак не словит кайф оргашки и начинает миллиардера кусать, а он, паскудина, даже не хипежит, ему, видите ли, приятно... потом сам ее кусает, рычит от удовольствия – до блевотины надоели друг другу – развод... допустим, миллиардер рванул на роллс-ройсе в Голливуд – смотреть, как баба под музыку раздевает сама себя, выкручивается в змею гре-

мучую, изогнувшись в свое же заглядывает очко, что очень нелегко... нашу оголтелось они называют стриптизом... потому что взяли и нашли для этого английское слово, а мы ищем, сука, ищем каким бы русским заменить оргазм – все без толку... ты прав, наш народ изуродован заговором истории против географии... спрашивается, зачем мужики плят шнифты, на бабенку, а за лифчик, пока он с сисек не сорван, засовывают валюту?.. мы с Академиком затрагивали и эту тему... вот зачем: если ты мужик нормальный, и баба перед твоим носом платье – влево, комбинацию – вправо, лифчик – фьюить, в потолок, трусики – в сторону, прожектор голубой светит ей прямо в пушистую куницу, а розовый – в сиськи, то не знаю, как ты, кирюха, но я бы... клянусь мамой, пусть мне твое сердце пересадят, если вру, – помчался бы по черепам на сцену, и пока мне полиция крутит руки, бьет дубинкой по башке, свистит, гадина такая, газы в глаза пускает, пожалуйста, хуй с вами со всеми, пускайте, я уже добрался до этого стриптиза и пилю его, и пилю, пока не кончу... а когда кончу, вези меня в черном «Форде» на суд... и на ихнем суде такую я им предъявлю заяву в последнем своем и откровенном слове:

– Поскольку горю с личным – сознаюсь... да, виноват, не воздержался, уб стриптизинку при едном нахождении в производственном положении, было дело под Полтавой... и правильно сделал, не раздевайся сикопрыга на моих глазах – ты мне не жена... спасибо Гуталину за наше счастли-

вое детство, всегда готов к предварительному тюремному заключению!

Вот как поступит здоровый русский человек, который против разврата эмоций любви и чувства уважения к даме как таковой... объясняю: миллиардеры ходят на оголтелось, потому что можно не ебать раздевающуюся особу... богатеи не то что мы – они еще и рады, что закон запрещает забираться на сцену, а сам закон защищают вышибалы... здоровый мужик, вроде нашего Штирлица, туда не пойдет... яйца так опухнут от сеанса, что придется враскорячку добираться до того, с чего начинается родина в твоём букваре... вопросы есть?.. конечно, я и с уборщицами крутил, и с кассиршей... эта дама мое ухо, как ручку кассы крутила, когда дело шло к апогейному экстазу... задумчиво говоря, может, и наоборот... мн-да, крутил я и с завхимчисткой, и с разными поварихами, и с одной летчицей-испытательницей вертолетов, помирали мы с которой в продолжительном пике... пике – это штопор... ты лучше спроси, с какой профессией я не жил... разве что с вагоновожатой трамвая «Аннушка»... это было бы цинизмом, слишковать нельзя, в плане народной мудрости – жадность фраера сгубила... даже с должностями я жил, не то что с профессиями... к примеру, тянул заведующую парикмахерской, дом управшу, нотариуса женского пола, директорш вагон-ресторана и гастронома – она была потолще бочки пива – главврачиху уделал лагерного госпиталя... народная судья, которая меня судила, приезжала

в зону на личное свидание, кешарями заваливала, не знала куда девать взятки данное лицо нашей коррупции... вот это были оттяжки – высший класс... надзор ее с трудом оторвал от личного свидания... еле-еле доползала до станции... так я мстил ей за то, что срок влупила, сукоедина, могла и оправдать... само собой, ждала меня на воле... нахуя мне на ней жениться?.. тогда я принадлежал всем желающим женщинам и ни одну из них не любил в отдельности, а теперь, если забежать вперед, все наоборот... да, в обморок падали почти все... бывало по многу раз... какой ты все же паскудный атеист, что не веришь в эти обмороки?.. у тебя же логика в башке не ночевала... я не следак Шерлок Холмс, но кое-что шуруплю в дедукции... ты прав – она есть мудрость наших дедов и прадедов, грохнутых большевичками... доказываю: ты замечал, что в аптеках нашатырного спирта часто не бывает?.. нет, его не пьют, а нюхают, он из обмороков возвращает... они случаются заподлицо с оргазмами, особенно, если страстная женщина пылает, как кино-ведьма, на костре половой инквизиции... теперь возьмем аптеки, подолгу ваты нету ни в одной из которых.. это значит, к женскому полу в один день заявили, как дамы говорят, гости... прикидывай анализ-то, но не кала, не мочи, а логики ситуации, главное, сам допирай до выводов, учись рассуждать, мудила... помнишь, лезвий нигде было не достать?.. ходим бородатые, как при Иване Грозном, который являлся Гуталином послезавтра, так сказать, пидарас, сыноубийца своей же молофей-

ки... почему не бреемся?... да потому что китайцы перекинули к нам через Амур тучу летающих мандавошек – вот почему... миллионам мужчин пришлось все вплоть до бровей брить, когда лезвия были в продаже... а когда пропали, не стану же я, после бритья муде с лобком, скоблить тем же лезвием бороду... не по мне такая нелогичная дедукция, не по мне... плесни боржомчику – изжога достает от ТТТТ – твою таежную тагильскую тупость имею в виду... любя говорю, ты не образован, каким я был недавно, но любопытен, поэтому не бзди – образуеться... на чем остановились?... да, влюбился я, верней, вьебурился по самые уши.

На другой день Кимза на меня волком смотрел, не разговаривал, а Влада Юрьевна медово-цыганским своим голосом спросила:

– Может быть, сегодня, Николай Николаевич, вы сами? А я бы задала установке параметры ее действий.

– Конечно, говорю, без проблем... запираюсь в хавирке, жду команды: готовность номер 1, которая перед вниманием – оргазм... думаю только о Владе Юрьевне, фиксирую в тетради опыта начальную стадию эрекции, поскольку та приканать не поленилась.

Тут Влада Юрьевна постучала, просовывает в дверь книжку, душевно советует:

– Отнесите, Николай Николаевич, к мастурбации профессионально и совершенно исключите сексуальный момент как таковой. К примеру, мог бы дядя Вася работать в морге, если бы он рыдал при виде каждого трупа?

Логикой она меня убедила, хотя я подумал, что как же это так, если исключить сексуальный момент самой ебли?.. ведь тогда стоять не будет.. однако поверил... одной рукой дрочу, другой – читаю книгу, кажется, «Хождение по мукам»... Кимза, олень-соперник, стучал два раза и торопил... послал его, твердо сказав, что я ему не Мамлакат Мамаева, обеими руками работать не умею, поскольку не левша... хотя ты же

знаешь, я, как Давид Ойстрах – артист на обе грабки... нет, я ошибся, книга была «Далеко от Москвы»... вшивая книжонка – ебал бы я писателя, фуфлювого Ажаева, просто он тоже срок волок на том же нефтепроводе... вот какие судьба дает повороты... это сделало настроение отличным, осваиваю профессию, струхнул, несу пробирку с молофейкой Кимзе и Владе Юрьевне.

– Спасибо. Не уходите, Николай Николаевич. Вникайте в суть наших экспериментов. Анатолий Магомедович разрешил. Сегодня, в этой установке мы будем бомбардировать ваших милых живчиков несколькими безобидными элементарными частицами. А затем, вот в этом приборе ИМ-1, начнется наблюдение за развитием плода. Это – матка. Только искусственная. Не обращайтесь внимание, какой-то вандал уже нацарапал на ней, как видите, древнее, увы, ставшее маргинальным, слово. К сожалению, не знаю, почему первый слог пи. Второй слог слова – зда, по словам Анатолия Магомедовича, это глина до татаро-монгольского ига. Затем эта зда коренным образом вошла в здание, созидание, издание, первозданность и так далее. Наша тема: исследование мутаций и генетического строения эмбрионов в условиях жесткого космического облучения, с целью выведения более устойчивой к нему человеческой особи.

Я раскрыл ебало, как ты сейчас, ни хт фарштеен таковой ситуацимес, но кнокаю. Мою молофейку в гладкой стекляшке – внешне, если не ошибаюсь, чем-то похожей на поли-

рованного хуилу – заложили, кирюха, мою молофейку в какую-то камеру. Кимза орет: «Разряд!» Мне страшно, мне ее жалко, это моя – моя она, не партии, не правительства. Ты представь: частица эта сиротливая несется, как в печень ебанутая, и моего родного живчика – половинку, считай, Николай Николаевича – шарах промеж рожек, он и хвостик в сторону. Надо быть Гитлером или Гуталиным, чтоб спокойно наблюдать за безжалостной вивисекцией. Я зубами заскрежетал, еще немного – распиздошил бы всю лабораторию. Тут вынимают прозрачный футлярчик с молофейкой, смотрят в микроскоп – а она ни жива ни мертва – и в какой-то суют ее газ для активности. Потом отделили одного живчика от его и моих родственников, в искусственную поместили матку. Господи, думаю, куда же мы забрели, если к таким сложностям прибегаем. К чему всезнающий Аристотель эту выдумал науку? Пойду я лучше куропчить в троллейбусе «Букашка» и в трамвае «Аннушка». Особенно, разбирало меня зло на эту матку искусственную. Шланги к ней разные тянутся, провода, сама блестит, стрелками шевелит, лампочками, сука такая, мигает, а рядом четыре лаборантки вокруг нее на цырлах бегают, и у каждой по матке, лучше которых не придумаешь, хоть у тебя во лбу семь-восемь пядей. И поместили туда моего, Николая Николаевича – полупотомочка! А что, если он выйдет оттуда через девять месяцев, но глаз у него правый протоном выбит и ноги кривые, и одна спина короче другой, и вместо жопы – мешок, как у кен-

гуру? А? Чую – говно ударило в голову. Хорошо, что Влада Юрьевна спросила, о чем я размечтался.

– Так. Прогресс науки обсуждаю про себя, – говорю это, в оба шнифта на нее уставившись, сам косею от одного только ее голоса, ебаться надо до которого Валентине Зыковой вместе с Клавдией Шульженко и прочими Барсовыми... сердчишко колотится, как глупый – об окно – воробышек, концы подгибаются, сбивается дыхание – любовь, беда, светопреставление, Олег Попов весь вечер на арене! Тут Академик приказывает Кимзе подойти и разъяснить почему на зеркальной поверхности такого драгоценного швейцарского аппарата какая-то антинаучная сволочь непристойное накорябала слово пизда, невероятно режущее слух, куда смотрит охрана?.. бескультурье, восстание масс, хулиганский вандализм, полнейшая компрометация ЖПО... пасть заткнул бы, кирюха, ЖПО – это не жилищная помойка, а женский половой орган.

Вечером беру спирт, закусон. Канаю на консилиум к международному урке... да, консилиум – это консультация трех-четырех умов бывалых насчет глупости одного какого-нибудь тупого ума, вроде моего, или твоего... нет, политбюро не консультация, у него же не ночевало ни ума, ни чести, ни совести, само собой, понятий о стране и ее различных народах.

– Так и так, – говорю, – что теперь делать, Фан Фаныч, и как мне быть?

– Не с твоим кирзовым рылом, Коля, лезть в шевровый ряд. На этом деле грыжу наживешь и голой сракой ебнешься об крашенный забор, забудь любовь, вспомни маменьку.

– К сожалению, маменьку мне не вспомнить, я найденныш, валялся и ревел с голодухи на пороге обкома партии – она, бедная, знала, куда меня подбросить... все ж таки как не крути, как не верти, а ихняя партия – не царь Ирод, она его еще хуевей, но, на сегодня, изводит только взрослых, а не младенчиков... ради факта это говорю – не ради справедливости... сам знаешь, где она была, там Картавый с Гуталином давно уж выросли... стоят себе, блядь, один указывает, куда нам идти, другой задумался, надо ли двигать нас, пьянь и рванину, к светлому будущему.

– Хороший ответ, молодчик. Вот если бы так – с ходу – в райсобесе отвечали, то и никакой бюрократии в государстве не было. А то с пенсией тянут справки, тянут, каждая справка неделю жизни отнимает. Прямо, блядь, какие-то повсеместные вопросы марксизма-похуизма, а не гуманизм заботы райсобеса об одиноком маргинале.

Фан Фаныч пенсию по инвалидности хлопотал. Он, видать, задумался, приуныл. Я и покандехал к дому. В сердце – сплошной гной, саднящая болячка. Впору подсесть и перезимовать в Таганке всю эту непереносиму-нагасаку, как говорил японский адмирал на пересылке. Мочи нет. Я даже не думал, имеется муж у Влады Юрьевны, или его нет, то есть было мне насрать на все такое, глаза на лоб лезут,

и учти, дело не в ебле как таковой. Бери, повторяю, выше. Ночь не спал, ходил, голову обливал из крана ледяной водичкой, к Кимзе постучал, он не пустил. Может, спал? Утра не дождусь. Как назло, часы встали. Прибегаю, а в лаборатории все Владу Юрьевну с чем-то поздравляют, руки трясут, в руках у нее букет, она всему коллективу кивает по-княжески. С некой занебесной высоты увидела меня, подходит, дарит пышный цветок, физиономия у него ужасно смахивает на мохнатую, собачью. Сам холодный, никакими розами не пахнет, такие продают на Трубном абхазы и другие грузины, на букву Х его название... Сам ты, мудила, хер... а то кто ж ты еще, хромосома что ли?.. У Кимзы же, я заметил, из одного глаза слезы текут из-за всех научных переживаний. Сразу не поверилось, что, подарив тот цветок, Влада Юрьевна обратилась лично ко мне.

– Любезный Николай Николаевич, поздравляю! Для вас это тоже своего рода праздник.

У меня рыло перекосило шесть на девять, и что бы ты думал? Оказывается, она искусственно попала лично от меня – первый раз то ли в СССР, то ли во всем мире. «Как? Как?» Ну и олень ты сохатый. На твои рога только кальсоны сраные вешать, шляпу же с зонтиком – большая бы тебе оказана была честь. Голодовку объявлял когда? А я объявлял. Меня искусственно кормили не через хавало, а прямо миномет такой в очко вставляли. Ну и навозились с ней граждане начальнички, жопу имею в виду! Только воткнул в очко трубку

с манной кашей, а я как пердану – всех их с головы до ног. Они меня сапогами под ребра, по пузу топают, газы спускают и опять в очко загоняют кашицу, иногда бульон, но без сухариков, не помню какое именно меню у жопы было. А я опять как поднатужусь, как заору: «Уходи! Задену!» – их как ветром сдувало. Откуда во мне бздо бралось? – ума не приложу. От волюнтаризма, наверное. А может, от стального духа. Верись, перевели из Казанской тюрьмы в Таганку, чего и добивался. Похудел только. Гад буду, до сих пор одного не пойму: к чему МВД так сражается за жизнь зека, которому на нее насрать, а того, кто хочет жить, вроде Николая Островского с Джек Лондоном, доводят, падлы, если не до петли, то до цинготной дистрофичности? Вообще, я не пессимищенко-передрыщенко, но думал и в карцере и на воле, что, когда тебя со всех сторон окружают тайны – то военные, то государственные, то научные, заебись сколько их на наши с тобой бОшки – клянусь мамой, не жить охота, а тянет немедленно бухнУть, закусить, на полшишки засадить и петь, как пел в опере Каварадосси, и вот я помираю, и вот я помираю. Не отвлекай.

Дело было так: двое гинекологов и Кимза, известно куда, вставили Владе Юрьевне трубочку, и по этой трубочке мой живучий Николайчик засеменял, шантропеныш этакий, как говорится, на свое место... вот в какую я попал непонятную, сука, историю генетики, и нахер мне не нужной... не знаю, как быть, что говорить?.. только чую: вскоре чокнусь, спо-

тыкнусь, стебанусь и поеду задом-наперед туда, откуда вышел... мне бы радоваться как будущему папаше и мать своего ребенка зажать, потом расцеловать, на руках донести до койки... а я в тоске и думаю, заебися что ли ты в коня, наука биология, жить бы мне сто лет назад, когда тебя и в помине-то не было... чую, вскоре чокнусь, смотрю на Владу Юрьевну – вот она, один шагочок меж нами – а мне его вовек не перейти... Господи, помилуй, я так любил эту... эту... как бы сказать поточней?... я так – пусть меня четвертуют – любил эту богиню, что в койке не мог себе ее представить, не мог – и все... в ней же, в любви моей – ну ни одна жилочка не дрогнет... однако беру психику в руки – я глух, я, блядь, нем, как будто судьбой волокомый на плаху... к сожалению, я не учебник русского языка – не знаю, откуда плаха... может, и от плакать – почему бы нет?.. хотя рассопливиться не имел я права, не имел.

– Вы, Николай Николаевич, не смущайтесь, ни о чем не беспокойтесь. Если опыт хорошо кончится, вы дадите имя мальчику, а я девочке. Я вас понимаю... все это немного грустно, но наука есть наука – иногда она обязана вознестись над драмами и даже трагедиями нашей жизни.

Я чтоб не рассопливиться, ушел на свое рабочее место, прилег, готовлюсь, главное, расслабиться, погружаюсь в шумово возбуждающую «Капитанскую дочку», иными словами, налаживаю дрочку, методом ускоренным дрочу. Вдруг в лаборатории возник тревожный какой-то шум-бурум, быстро струхиваю в пробирку, затыкаю пробкой, выхожу, несу ее в руке. А там, пожалуйста, целая уже топчется ревизия. Ревизоры: замдиректора Молодин, партком, отдел кадров, нихуя которые не решают, что им теперь делать и как быть. Какие-то не из биологии толпятся фраерюги. Приказ читают Кимзе. Лабораторию упразднить. Кимзу и Владу Юрьевну уволить. Лаборанток перевести в уборщицы, а на меня подать дело в суд – ни хуя себе уха! – за очковтирательство, прогулы и занятия вредительским онанизмом, не соответствующим должности технического референта с дипломом ВУЗа. Вот падлы – сам Кырла Мырла с Энгельсом не разобрались бы в такой обвинилровке. А за то, что я уборщицей был по совместительству – содрать с меня эти бабки, зарплату до суда заморозить. Я как стоял с молофейкой в руке, так и стою. Ресничками шевелю, хлопаю ушами, соображаю, какая ломается мне статья, решил уже, сто девятая. Злоупотребление служебным положением. Часть первая. Потом замдиректора Молодин опять что-то читал про вредитель-

ство в биологической науке, и как Лысенко горе-ученых разоблачил заодно с империализмом менделизмом, космополитизмом. Принюхиваюсь. Родной судьбой запахло, потянуло тоскливо. Судьба моя пахнет сыро, вроде листьев осенних, если под ними еще куча говна собачьего с прошлого года лежит.

– Вот он стоит перед вами с улыбкой, виноват, с улыбкой антинаучной спермы, дорогие товарищи! – Замдиректора Молодин пальцем в меня тычет. – Взгляните, до каких помощников опустились наши так называемые генетики, любившие выдавать себя за представителей чистой науки. Чистая наука делается чистыми руками, господа менделисты-морганисты, а не верхне-передними конечностями онанирующей обезьяны!

Челюсть у меня – кляцк! Тут не только собственной тоскливо завоняло судьбою, но еще многими пунктами пятьдесят восьмой. С ходу решаю уйти в глухую несознанку... ни с Манделем, то есть с Менделем, шли б вы в жопу, лично не знаком... на очной ставке так и скажу, что этого горе-ученого первый раз в глаза вижу и что я таких вот, с понтом, корешей политанией вывожу, как лобковую вшу под общим названием «мандавошки»... насчет морганизма прокурору по надзору заявлю, что моей ноги не было в морге и никогда до самой смерти не будет... мне также не известно, кто именно ебал покойников, или с таковыми, культурно говоря, отождествлялся... чего-чего, а морганизма, крысы, вы мне

не пришьете... за него же дают больше, чем за живое изнасилование.

Это ты уж, кирюха, у прокурора спроси, почему?.. извилина у тебя одна да и то на жопе, причем не извилина, а прямая, если разобраться, линия. Не перебивай, олень. Гуляй по буфету и слушай. Прибегает Академик, резко парирует: «Сами мракобесы!» А Молодин несмотря на то, что бывший муж, берет у истопника ломик и как наебнет этим ломиком, прямо с плеча, по научно-фантастической пизде – все лампочки на ней замигали, из трещинки начал вытекать то ли жидкий азот, то ли азотный водород, но это обычное дело даже для любой животрепещущей Пиамы Здановой. А это, скажу я тебе, уже епархия самой Природы-матушки, а не Рок-батюшки, как учит Фан Фаныч.

– Ни к чему, – говорит Молодин, – на такие горе-установки народные финансы переводить! – Молофейку у меня из руки вырвал и выбросил, гад такой, в открытую форточку, на территорию детсадика. Влада Юрьевна так и вскрикнула: там же дети, судари!.. Бесплезняк. Из поведения Молодина я вывел, что скоро он станет директором всего института. Кимза почему-то вдруг захохотал, Академик тоже, Влада Юрьевна заулыбалась, народу набилось в помещение дохуя и даже больше. Академик выступал, прямо как в опере народный певец СССР Иван Козловский:

– Обезьяны! Троглодиты! Постеснялись бы собственных генов!

– У нас, с вашего позволения, их нету. У нас не гены, а клетки! – заявил ебанный Молодин. – Признайтесь в ошибках перед лицом всего отечества нашей матери-родины!

– Да, да, именно клетки – как в зоопарке! И вообще, Юпитер... пошел ты в жопу!

Да, да, Академик повторил древне-римскую поговорку моего соседа по бараку, историка и доктора наук, который отбрил прокурора из Москвы, выяснявшего жалобы зеков на питание, лечение и укороченные птюхи полусырой черняшки. Отбрил, так как прокурор был неправ, за что и парился десять суток в БУРе. Академику я и об этом рассказывал, и о лагерных премудростях, и что на зоне больше свободы, чем на воле, если нет в бараке стукачей. Так что, не бздите, говорил, погрузимся.

– Вот именно, вот именно, Николай Николаевич, погрузимся.

Потом институтские гавкалы составляли приветствие партии и правительству во главе с каким-то блоком беспартийных коммунистов, потом на заем насильовали подписаться и вопили руки прочь от эволюции великого Дарвина, будем достойны наших предков, вставших на ноги вопреки проискам врагов прогресса, а меня дернули на заседание Ученого совета. И вот тут началась другая судьба, убрали говно собачье из-под осенних листьев. Выкинул я его своими руками. Но по порядку. Поставили меня у зеленого стола и вонзили гиены, дикобразы, крысы летучие, удавы злоебу-

чие – вонзили все эти гниды поганые свои шнифты ползучие в нервную мою систему. Дескать, зададим тебе несколько вопросов, и чем больше правды выложишь, тем лучше для тебя, так как ты есть жертва коварно безжалостных морганистов, вредителей биологии, к тому же не имеющая бесплатно высшего в нашей стране образования.

Посыпались вопросы допроса, но не на того они напали, не на того.

– В каких отношениях находился Кимза со своей помощницей, на себе поставившей эксперимент?

– Писал ли он за нее диссертацию и оставались ли они наедине с самими собою?

– В отношениях, – говорю, – замечательно находились научных, на моих глазах не жили, не встречались, не соотносились.

– Что имеете в виду: соотношение или сношение? – Тут я психанул и ебнул кулаком по столу.

– Это вы имеете что-то там в виду, поэтому шли бы вы все, так сказать, в созвездие под хвост к Большой Медведицы.

– Говорил академик Хреново, что сотрудники великой Лепешинской только портят воздух?

– Не помню. Воздух портит каждый живой, а когда мертвый советский человек, не буду уж указывать пальцем, который именно. Только одни геройски пердят, согласно со всенародной мудростью, а вот некоторые предательски бздят исподтишка, как змеи подколодные.

– Вы допускали оскорбительные аналогии по адресу героически двурукого портрета сбора хлопка Мамлакат Мамаевой?

– Не допускал никогда, хлопок уважаю с детдома. В бараке, вместе со всеми зеками, у которых стоял, дрочил перед снимком фотокарточки сборщицы с челочкой на лбу, обнимал которую наилучший друг хлопка всех времен и наук.

Да, я слово в слово повторяю тебе все, что говорил. Не бздеть же их, когда и без того дальше было некуда?.. не отвлекай.

– Кимза обещал выдать вам часть Нобелевской премии, сами знаете за что?

– Ни разу не предлагал, а то с чего бы мне отказываться от таковой доли? Что я мудака что ли? Я вообще завязал с прошлой жизнью и теперь нуждаюсь в поддержке нашей передовой науки. Что в этом, дорогие фраера-товарищи, такого уж хуевого, виноват, хренового?

– Вопросы здесь задаем мы, а не пособники космополитов в науке! Кто делал мрачные прогнозы относительно будущего нашей планеты?

– Не помню, наоборот, я читал в «Вечерке», что у советского человека есть охуительная уверенность в завтрашнем и даже в послезавтрашнем дне, поэтому мы и рейхстаг взяли и, если нужно, Эйфелеву оседлаем, которая является башней слежения за нашим посольством в Париже.

Нет, кирюха, я базарил именно так, а не именно иначе, я

их, повторяю, не бздел, наоборот, они бздели моей свободной фени.

– Как вы относились к командировке, извиняюсь, к бомбардировке вашей спермы элементарно вредительскими частицами?

– Сочувственно страдал и заявлял в уме: руки прочь от моего родного иммунитета.

– Обещал ли Кимза сделать вас прародителем будущего человечества?

– Ебал я такое прародительство! Первым по делу пустить хотите? Это вам не проханже, не на того, ебена кровь, напали, совсем не на того!

– Не материтесь. Мы понимаем, что вы жертва. Что сказал академик Хреново относительно генитального... виноват, гениального сталинского определения нации?

– По мне, все нации хороши, как одно муде, рядом с другим муде, лишь бы ложных показаний не давали на суде – что жид, что татарин, что хохол, что чурка черножопый, ну, само собой, и япошки.

– Почему вы после онанизма неоднократно кричали, повышая голос? Вам было больно?

– Это при Иване Грозном, уверенно заявляю, бывало больно народу, когда ему секир-башка на Лобном месте, а в нашей стране оргазм возникает от непостижимого рефлекса удовольствия, как считает академик, допустим Павлов. У нас тоже от всего такого приятные вытекают слюнки,

хотя мы люди, но, к сожалению, вовсе не собаки.

– Вам предлагали вивисекцирование?

– Буквально ни разу.

– Вы знаете, что такое вивисекция?

– Первый раз слышу, но, как говорится, с дровосекцией знаком: в тайге здоровенную пихту валил двуручной пилой, то есть пилою, между прочим, без напарника, который случайно отрубил себе палец.

– В чем заключалась ваша так называемая лабораторная работа?

– Мое дело драть и сдавать молофейку со знаком качества в ту же копилку Отечества. Больше я ни хрена не знаю. Действовал по команде: внимание – оргазм! Как услышу готовность номер 1, так включаю кожаный движок на полную эрекцию. Без этого наука не может, и обо всем таком я в ЦК напишу и лично чахотке, виноват, лично Суслову сообщу, мы ВУЗов не кончали.

– Как относились сотрудники лаборатории к Менделю?

– Исключительно хуево, верней, вшивовато. Поленька даже говорила, что они во время войны узбекам в Ташкенте взятки давали и вместо себя в какой-то посылали Освенцим. И что ленивые они. Сами не воюют, а дать себя убить – всегда-пожалуйста, это им как два пальца обоссать.

– Выбирайте выражения. Кем проповедовался морганнизм?

Ну, блядь, думаю, началось самое главное. Сразу вспом-

нил, как Влада Юрьевна говорила: «Что было бы, Николай Николаевич, если бы дядя Вася в морге рыдал над каждым трупом?» С ходу темню:

– Что это за штука, морганизм?

– Вам этого лучше не знать. Кто с уважением отзывался о космополитах в науке и в жизни?

– Кто это такие? Тоже впервые слышу.

– Выродки и ублюдки, для них не существует границ.

Пиздец, думаю, надо будет вечером предупредить международного урку о выкапывании из могилы бывшей ежовщины.

– Сколько часов длился ваш рабочий день и какие дозы чистого спирта вы получали в течении своей псевдотрудовой деятельности?

Ну, думаю, Коля-Николай, все это намного хуевей самого пиздеца, пора принимать меры и косить по-княжески, по-мышкинскому, в общем, по-идиотски. Затрясся, задергался, надулся, видимо, до синевы, подбегаю к другому концу стола и – хуяк в рыло Молодину полную чернильницу чернил. Она в виде глобуса была сделана зеками шарашки для подарка Гуталину, но на красный цвет всей нашей страны не хватило рубинов и их заменили изумрудами, что попало под вредительство, но чернильница почему-то осталась в дирекции. Хуяк я, значит, ее в рыло Молодину, а сам впадаю в эпилепсию. Впал, валюсь с копыт, хриплю, рычу, нагнетаю пену изо рта. По полу копытами-то колочу, ими же начкадрами по яй-

цам заехал, кто-то орет:

– Язык ему надо убрать, задохнется, зубы быстрее разожмите мерзавцу разврата, желательнее чем-нибудь нержавеющей железным!

Скрежещу всеми зубами, так как запоминаю, каким блядам отомщу за все оскорбления, унижения, подозрения и обиды.

Кто-то сует мне под зубы рыжие часы карманные. Я челюстью двинул, они и тикать перестали. Глазами вращаю бессмысленно. Эпилепсия – первый класс, до такой ебаться надо дяде Ване с тремя сестрами в ихнем вишневом саду.

Перестарался я, засранец, затылком ебнулся об довольно дубовую ножку стола и – уф-фы-ф – с понтом вырубился. А они вокруг меня держат совет, чтобы сор из избы не выносить, Западу пищу не давать. «Скорую помощь» вызвали.

– Этого я никогда не ожидал от своей бывшей жены, – сказал Молодин, вся рожа у него вплоть до рубашки в чернилах, – хотя о ее интимных связях с Кимзой давно догадывался. Она просто мелкая извращенка. С сегодняшнего дня, товарищи биологи, мы с ней разведены.

От радости я чуть не вскочил на ноги, однако сдержался. А «скорая помощь» – ее за смертью, сволочь, посылать – все не прикандехивает. Тогда я стал медленно приходить в себя, поскольку ранее вышел из себя же. Мне говорят, чтобы не нервничал, работу обещали подыскать, дали попить нарзанчика, на Кимзу заявление просили сочинить и вспом-

нить, приносил ли он на опыты фотоаппарат. «Скорая» так и не приехала. В общем, они из-за меня заметно перебздели.

Вышел из института, беру такси, рву к дому Влады Юрьевны... в голове стучит, ни хуя себе уха!... вот чья, оказывается, была она жена... ни хуя себе уха... ах ты, Молодин, сука очкастая, жалко, что чернильница была глобусом и что Земля не квадратная – я б тебе, сука, сразу череп раскрыл острым краем до самого гипоталамуса... надо же – такую парашу пустить про лучшую из женщин... мелкая она, видите ли, извращенка... подъезжаем к ее дому, шефу говорю, чтоб стоял и ждал, если хочет сегодня же вернуться домой... быстро нашел квартиру, звоню... открывает она, Влады Юрьевна, открывает, слава тебе, Господи!

– Николай Николаевич, почему это в чернилах ваше симпатичное лицо?

– Ваш бывший муж меня допрашивал, но я не раскололся и никого не продал. Он вас бросил, позорник.

– Ах, я так и думала, успел публично отказаться от менделистки-морганистки. Не стойте на пороге. Заходите. Собственно, я сию минуту сама от него уйду. Уже собрала вещи.

– Едемте, пожалуйста, ко мне, – выпаливаю, как ныряю в колодец, – не думайте ничего такого, живу один, могу и у приятеля пошивать, а вы будьте как дома, все мое – это ваше, даже если все ваше – не мое, такси ждет.

– Отлично, едемте, Николай Николаевич, но, кажется, вы с Толей проживаете в одной квартире.

– Ну и что? – кричу, одной рукою чемодан ее беру, другой – рюкзак, ручку сумки – в зубы.

Жил я тогда один. Тетку мою месяцев шесть как захомутили. Ее, если помнишь, паспортный стол ебал, она и устраивала через него прописки за большие бабки. Ну и погорела – жадность фраерюгу погубила, это тоже закон Природы-Ма-тушки. Один из прописанных оказался югославским шпионом. А эти падлы не то что мы, которые всю дорогу в несо-знанке. Расколосся и тетку продал. Дедка за репку, бабка за дедку. Тетка беспринципно продала своего ебаря, тот раз-говорился. Трясанули яблоньку, и всех, кого они прописы-вали, выселять начали. Между прочим, тетке я кешари каж-дый месяц шлю и помогаю бабками. Вот хер-то, чтоб в бе-де Николай Николаевич оставлял родственников и кирюх. Значит, едем мы в такси, Влада Юрьевна мне ваткой черни-ла с ебальника стирает, а у меня стоит от счастья, так как за моей чистотой вовек не следили Любки, Гальки и прочие Зинки-Вальки. Все они любили меня неумытого на сплош-ных раскладушках, подоконниках подъездов, чердаках, в те-лефонных будочках, в помещении лифт-мотора. Романти-ком я был – всегда в пути к местам подвигов и приключе-ний. И оказывается, Влада Юрьевна еще до войны студент-кой крутила с Кимзой роман. Но ломать ей, еще девушке, целку, как я понял, он ей до диплома благородно не желал,

что уважаю. Тут война. Кимзу куда-то в секретный ящик загнали, бомбу-водородку делать или еще что-то. Года через два появляется он весь облученный от муде до глаз, к сожалению, на такую наживку только окуньков в проруби ловить, и то не клюнут. Трагедия у человека. Оба они хотели травануться и – концы в воду. Вопросов лишних не вздумай задавать, иначе накроешься, сам знаешь чем, то есть учись, мудила и скребок вокзальный, быть фактически не идиотиной, а джентльменом.

В общем, Молодин, замдиректора, уговорил как-то Владу Юрьевну. Хули, говорит вешаться-то, ты не зонтик и не шляпа, ты – красавица в науке, ты и в быту завидная фигура. Кимза дал ей согласие на брак. Она зачем мне все такое рассказала? Чтобы вел я себя с ним повежливее, посожалительней и не слишком выражался. Она бы в его комнате жила, но боится, что Кимза запыет от тоски, как это с ним уже случилось, поскольку с природой шутики плохи. Приехали. Сгрузили вещички. Я и рассудил, как проводник курьерского вагона, что спускать лучше уж на тормозах, не то сторят колодки. Взял бельишко и, унимая аритмию, говорю Владе Юрьевне:

– Поживу у кирюхи, а вы тут не стесняйтесь: за все уплачено. – И поканал к международному урке, к Фан Фанычу... аритмия, в двух словах, это когда адреналин, он же волнующий гормон либедухи, гонит сердце, как ту же лошадь, в гору, сука, в гору, в гору.

Это мы с тобой, кирюха ты мой тупой, забежали вперед, а в тот раз я взял пузырь истины в вине, как выражался Ким-за, и поперся к международному урке. Лабораторию прикрыли. Завтра не дрочить. Можно и бухануть. Поддали. Предупредил я его, чтобы поосторожнее трекал, как за границу перелетал до тридцатого года в экспрессах. А то сходу пришьют космополитизм и еще пару пятьдесят восьмых. Фан Фаныч приуныл чуть ли не до слез. Он же, говорит, три-четыре языка знает и несколько «фенек». Польскую, немецкую, английскую, итальянскую и одесскую. Правда, на них его только воры понимают, барыги, местная полиция и проституция, поэтому он Родине сгодился бы чертежи какие-нибудь пиздануть из сейфа у Круппов-Симменсов, или посла, допустим, Японии молотнуть за все его ланцы, шифры и дипломатические ноты.

Знаешь, говорит, сколько я посольств перемолотил за границей?.. в Берлине брал греческое и японское, в Праге, сукой быть, – немецкое и голландское... но в Москве – ни-ни!.. исключительно за границей... я ведь что заметил: когда прием и общая гужовка, эти послы, ровно дети, становятся сверхдоверчивыми... в Берлине с Феденькой, полковником, эмигрантом – он шоферил у Круппа – подъезжал к посольству на «мерсе»... на мне – солидная накидка, смокинг, коте-

лок, лаковые штиблеты, белая роза, но не в ширинке, а в скуле, корочке, чин-чинарем... вхожу по коврам на балюстраду, по запаху канаю в фойе, где закуски стоят... самое главное в нашей работе – резко пересилить аппетит и ужасную тягу поддаться чего-нибудь такого заморского... послы себе мечут за обе щеки... на столе, как пел Вадим Козин, поросята жареные, корочка хрустящая, колбасы отдельной – до хуя, в блюдах фазаны возлегают, все в перьях цветных, век свободы не видать, пир горой, а не большевицкий геморрой... попробуй тут, удержишься, слюни, как у верблюда, текут на белую салфетку, живот подводит... в Берлине вшивенько тогда с бациллой было... все больше черный да черствый и жареная на солидоле брюква, от чего пошел фашизм... но работа за рубежом есть тонкая самодеятельность, а не чистка обуви министрам в том же Рейхстаге... выбираю крупного посла с шеей покрасней и потолще... худощавого уделать трудно, он, враг трудового народа, как олень необъезженный, вздрагивает, если прикоснешься, и глаз на тебя косит, тварь... выбираю, значит, бугая с красной шеей, непременно с тройным подбородком, в тот момент, когда он косточку обглаживает поросячью или же ляжку фазанью... обглаживает, стонет, вроде бы кончает от удовольствия в брючата, глаза под хрустальную люстру вываливает, паразитина... объяви ты его родному государству войну – не оторвется от косточки... вот тут-то я, говорит Фан Фаныч, левой интеллигентно за шампанским тянусь, а правой беру у дипло-

мата рыжие котлы с кандальной цепью и лопатник с валютой... какая там нахуй, не удивляй меня, бдительность – он занят исключительно косточкой... теперь огромная необходима воля, чтобы отвалить от стола с бациллой... коленки дрожат от голодухи... отваливаю. Феденькина «испано-сюиза» уже бьет копытами у подъезда... подает шестерка котелок... по-немецки трекаю, называю фуфловые свои титулы другому шестерке, и тот орет: «Машину статс-секретаря посольства Мурлындии, барону Питергофф!»... Феденька вырывает, солидно рвем когти ужинать в шикарный кабак... нагло работали... дернул же меня бес нелегально же вернуться на Родину – в Россию... а она, дура, которую ну никак умом не понять, отказала мне в шпионской должности... хотя я враждебную дипломатию подрывал и даже не закусывал... поневоле запоешь: «На границе тучи ходят хмуро».

А я сидел, слушал, забывался... не простое у Фан Фаныча было жиганское уркаганство, а рОман из серии «Жизнь самых замечательных людей»... посоветовал ему написать прямо в политбюро, пару раз откажут эти князи из грязи, потом устроят поишачить каким-нибудь шпион диверсантачем саботажниковым... однажды спросил у него что такое морганизм?... рассказал, как мне его пришить хотели... международный урка загорелся, с ходу забыл свои посольства и экспрессы, пошли, говорит, возьмем морганистов с личным, расспросим, неужели уж им живого тела не хватает... душу мою такая разбирала сиротливая любовь и тоска все-

мирная, что я согласился... поддали для душка и тронулись... морг этот за нашим институтом во дворе находилась... окна до половины, как в бане, белилами замазаны... свет дневной какой-то бескровный горит – в трех с краю... встаем на цыпочки и – давай косяка давить... никого там не было, кроме покойников... лежат голые, трупов шесть, и ихние бетонные раскладушки выглядят невозможно одиноко, смотрятся – вообще удавись, забудь о жизни на Земле... в проходе черный шланг змеей неторопливой из стороны в сторону вертухается – вода из того шланга хлещет обмывная, по-моему, мутноватая... дядя Вася, видать, выключить забыл... не поймешь – где баба, где мужик, но все такое мне уже не в печень... ноги подкосились от какого-то поганого страха и общей немочи... ничего нет страшней для меня, щипача, когда человек голый и нет на нем карманов... на пляже не знаю, куда руки девать... в бане, блядь, смущает отсутствие на телах скул, нажопников и пистонов для карманных же котлов... там меня особенно жестоко доябывает вся эта моя уголовнейшая генетика... на пляже-то находилось, хоть оно и голое, даже без карманов, но как-никак живое человечество, а тут, в морге, только жмурики, что еще безнадежней и тоскливей неразмораживаемых пельменей... международный урка прилип к окошку – не оторвешь, как будто заглядывает отсюда прямо на тот свет... прижег я ему голяшку папиросой – сразу оторвался... хули, говорю, подъезд раскрыл, нет тут нихуя интересного... он упер-

ся, что все наоборот... и что как угодно можно себя представить – и в Монте-Карло, где он ухитрился спиздить у спальной посла Японии в Копенгагене, и в Касабланке, там он держал пари, за сутки целый бордель переубал, девятнадцать, загибает, палок кинул, пять долларов выиграл, и в Карлсбаде в тазике с грязью – ну где хочешь, там он и может себя представить... а в морге, говорит, изрубить мне залупу на медном царском пятаке в мелкие кусочки, не могу – и все... вот загадка – чем вострее кнокаю, тем больше не могу... еще слегка поддали... сидим в кустах, как лунатики, и поддаем... вот тогда я и расквасился, неровно сердце барабанит – реву, реву, как в детдомоском карцере... Фан Фаныч думал, что я перебздел, нервишки не выдержали, расстроенные трупами, но у меня не жмурики были на уме, а кое-что живительное, поэтому говорю:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.